

4. Любая самодеятельность опасней авторского вольнодумства

Советские партийные органы всегда раздражала любая самодеятельность. Разве можно такое допустить, чтобы самому написать песню, да ещё и публично её спеть, не согласуя ни текста, ни места исполнения и главное, совсем не задумываясь, какие это может иметь последствия на идейно-политическом фронте, наравне с разлагающим влиянием западной пропаганды, в лице вещавших на русском языке западных радиостанций.

К сожалению первые воспоминания участников Первого фестиваля бардов в марте 1968 года в Академгородке Новосибирска, найденные в Интернете автором статьи, были опубликованы почти через 20 лет и хотя написаны и застенографированы некоторые из них были в то время, это не даёт чёткой картины происходящего, к тому же драматические события, происходившие затем и тогда взбудоражившие весь мир, наслаиваясь, на впечатления авторов этих «мемуаров», вообще, не позволяют делать какие-то выводы о выступлениях большинства бардов, за исключением главного фигуранта этого «дела» Александра Галича.

Ниже автором статьи приводятся выдержки из этих воспоминаний, содержащие наиболее интересные факты и исключая места, не имеющие принципиального значения или вообще не относящиеся к фестивалю.

Из статьи Льва Зюнова «О Новосибирском фестивале» (в книге Е.Горонков «Память, грусть, невозвращенные долги», Екатеринбург, ООО «СВ-96», 2002) мы можем узнать, как об организаторах Первого фестиваля бардов, так и об организации его проведения:

«...Это был, пожалуй, первый крупный всесоюзный фестиваль, организатором которого был клуб «Под интегралом» в Новосибирском Академгородке. Организовывал его Анатолий Бурштейн, доктор химических наук, молодой, энергичный, инициативный учёный, любитель и ценитель этого жанра.

А руководителем секции Клуба Самодеятельной Песни (КСП) там был Валерий Меньшиков...

...На фестивале было 22 автора из 12 городов. Из тех, кого я запомнил: из Москвы - Александр Галич, Владимир Бережков, Сергей Смирнов; из Ленинграда - Юрий Кукин; из Минска - Арик Крупп (погибший в 1971 году в Саянах); из Красноярска - Юрий Бендюков; из Казани - Эдуард Скворцов.

Александра Городницкого, ленинградца, очень известного в жанре самодеятельной песни, тогда в Новосибирске не было. Он, как всегда, был где-то в своей морской геофизической экспедиции.

Фестиваль был одним из важнейших этапов развития авторской песни. С него и началась, собственно, непростая судьба самодеятельной (это потом её назвали авторской) песни, непростая обстановка вокруг этого жанра. С него и начались сложности в судьбе Александра Галича...

...Уже после этого первого непланового концерта мы почувствовали некоторый ажиотаж вокруг этого события в Академгородке и Новосибирске. Концерты там проходили круглые сутки, некоторые начинались в 2-3 часа утра. Заняты были все концертные площадки - в Доме учёных, в киноконцертном зале, ряд выступлений проходил в студенческих общежитиях.

...На этом концерте была исполнена мной пародия на Юрия Кукина. Несколько слов о том, как она сослужила мне не совсем добрую службу: на плановых концертах фестиваля более половины записок с просьбой исполнить ту или другую песню была посвящена этой пародии. Просили: «Пародию на Кукина», «Песню про запахи», «Песню про Кукина и запахи», «Пародию на «За туманом», а одна уникальная записка в первое мгновение даже оздачила меня, когда я её прочёл, — «Исполните, пожалуйста, пародию на... запахи». А мне было обидно за другие мои песни, которые тоже хотелось исполнять на фестивале:

Юрий Кукин «За туманом»

Понимаешь, это странно, очень странно,
Но такой уж я законченный чужак:
Я гоняюсь за туманом, за туманом,
И с собою мне не справиться никак.

Люди посланы делами,
Люди едут за деньгами,
Убегают от обиды, от тоски...
А я еду, а я еду за мечтами,

За туманом и за запахом тайги.
А я еду, а я еду за мечтами,
За туманом и за запахом тайги.

Понимаешь, это просто, очень просто,
Для того, кто хоть однажды уходил.
Ты представь все это остро, очень остро:
Горы, солнце, пихты, песни и дожди.

И пусть полным-полно набиты
Мне в дорогу чемоданы -
Память, грусть, невозвращённые долги...
А я еду, а я еду за мечтами,
За туманом и за запахом тайги.

Лев Зонов «Пародия на песню Юрия Кукина «За туманом»»

Понимаешь, это странно, очень странно,
Что так долго я про запахи писал,
Я гонялся за туманом, за туманом,
Обоняние своё тренировал.

Нюхал горы и болота, ничего, что часто рвота,
Я обнюхал все болота и тайгу...
И всё нюхаю и нюхаю чего-то,
И чего-то я нанюхать не могу.

Понимаешь, я тебя не понимаю,
Хотя я и не законченный чудака -
Столько лет тебя люблю и обоняю,
С этим запахом не справиться никак.

Пахнет порохом из дула, пахнет килькою акула,
Пахнут прошлого сожжённые мосты...
Вот опять знакомым чем-то потянуло,
Неужели, дорогая, это ты?
Понимаешь, это просто, очень просто,
Через запахи планету узнавать.
Вот чеснок, он пахнет остро, очень остро,
Нужно песенку про это написать.

Мир от этой песни ахнет, пихта нервы лапой трахнет,
Паровоз задаст вопрос – и под откос...
Что же всё-таки не так на свете пахнет?
Что понюхать мне ещё не удалось?

И пусть полным-полны набиты мне записками карманы,
Пусть четырежды я стал лауреат,
Все равно от Вас уеду еропланом
За дождём и за туманом в Ленинград!

...Забегаю вперёд скажу, что на одном из последних концертов свердловчане получили из зала записку со стихами на музыку песни Юрия Кукина «За туманом». Она заканчивалась так:

Приезжайте, Саша, в город к нам, к студентам,
Да и Лёву не забудьте прихватить...

...Если до Новосибирского фестиваля говорили, что где, дескать, хорошо развита самодеятельная песня - это в Ленинграде и в Москве, то после фестиваля стали добавлять - и в Свердловске. И мне было очень приятно это слышать, потому что в этом был вклад нашей делегации. И, конечно, выступления на фестивале стали для меня хорошим стимулом к созданию новых песен.

Я окончательно убедился, что мои песни могут звучать не только у наших походных костров и в

наших палатках... Не случайно, что после моего первого авторского концерта, 22 марта 1967 года, и в следующем 1968 году - году Новосибирского фестиваля, мною было написано 30 песен!

Песни, которые в то время звучали по радио и телевидению, в то время были, в основном, такие, что петь их нужно было под духовой оркестр, как говорил когда-то Юрий Визбор (а в экспедициях у нас духовых оркестров не было), песни, которые не вызывали каких-то сопереживаний, резонанса души.

К слову, пусть не обижаются на меня чудесный композитор Александра Пахмутова и поэты Сергей Гребенников и Николай Добронравов (у них много хороших песен), но мы никогда не пели у наших костров их песню «Геологи» («Ты уехала в знойные степи, я ушёл на разведку в тайгу»).

Потому что эта песня - она для эстрады, она не геологическая, не отражала существа нашей геологической жизни, можно сказать, что она «искусственная» и, по-видимому, была заказана авторам к какому-нибудь Дню геолога для исполнения на торжественном вечере в столице нашей Родины популярной певицей в сопровождении хорошего оркестра.

В словах этой песни есть неточности, на которые может обратить внимание только человек, работавший в геологии. Так, геологи никогда не идут «на разведку в тайгу» - они там могут вести геологическую съёмку или поисковые работы, а разведка - это заключительный этап геологических работ, связанный с бурением, тяжёлыми горными работами, со строительством базовых посёлков и так далее.

Ещё одна неточность - упоминание о руде дорогой, поскольку геолог имеет дело с минералами и образцами горных пород, которые только потом могут стать рудой...

На том фестивале я впервые увидел и услышал Александра Галича, с которым мне довелось выступить вместе в нескольких концертах.

Песни Галича аудитория воспринимала с пониманием, то есть так, как это было нужно. Когда он исполнял, к примеру, песню «Памяти Пастернака» («Разобрали венки на венки, на полчаса погрустнели. Как гордимся мы, современники, что он умер в своей постели...»), все вставали. Все молча вставали...

Там получилось так, что Галича попросили выступить перед ветеранами войны. Концертов было много, а этот был какой-то незапланированный. Я не был на этом концерте - мне потом рассказали.

Его попросили выступить одного, и он вышел со своими песнями перед ТАКОЙ аудиторией. И вот ЭТА аудитория, естественно, его принять не могла, она была просто не готова к таким песням... Очевидно, - в такой форме нельзя было на них выплёскивать весь ступор его проблемных, политических песен, потому что там были люди преклонного уже возраста. Многие из них прошли войну, их невозможно ни перевоспитать, ни переубедить. Да и не надо, в общем-то.

Тут и началась мощная волна отрицания - появилась, например, разгромная статья журналиста Мейсака - бывшего фронтовика в «Вечернем Новосибирске»...

...В моих песнях, конечно, были строчки, которые, в общем-то, совершенно чётко задевали существующий строй и неполадки, которые у нас были, но их нужно было петь в меру.

Кстати, во время одного из концертов в Новосибирске я получил от Бурштейна записку (организаторы обычно сидели на сцене и представляли авторов, то есть в углу стоял журнальный столик, а за ним сидели два-три человека) следующего содержания:

«Не дайте себя спровоцировать ещё на одну или две песни».

Это было после того, как, чтобы потрафить зрительному залу, я исполнил подряд две какие-то... острые, метафорические песни. Всё хорошо в меру...

Если бы тогда на фестивале не было бы такого резкого выступления Галича... Ведь в то время самодеятельную песню никто не запрещал. И я видел, как аудитория начинает увеличиваться и понимания появляется больше.

То есть можно было творить, но рубить вот так сразу, выходить и что-то очень резкое выдавать, - не надо было этого делать так резко, как это сделал Галич. Не готова была особенно ТА аудитория.

И, конечно, все там сразу встали на дыбы и предприняли всё, чтобы это дошло до соответствующих инстанций. У нас ведь как тогда было? Оттуда идёт команда, - невзирая ни на какие лица, ни на какие обстоятельства — ПРЕКРАТИТЬ! ЗАПРЕТИТЬ!

Я убеждён - не выступи там Александр Галич, - и с авторской песней не стали бы так бесцеремонно обращаться власть предержащие инстанции...».

А вот, что рассказывает писатель и драматург Виктор Иосифович Славкин о Первом фестивале бардов в Академгородке под Новосибирском в марте 1968 года, аккредитованный на него журналом «Юность» (*журнал «Родник» №10, Минск, 1988 год*):

«...Фестиваль как фестиваль. Ничуть не хуже любого московского. Или, скажем, венецианского. Два-три дневных концерта, ночные дискуссии в табачном дыму, утренние пресс-конференции, приемы у членов правительства клуба «Под интегралом». Я не оговорился - не правления, а

правительства, потому что во главе клуба молодых ученых стоят Президент и Премьер-министр, а министры социологии, культуры, информации, даже министр нежных чувств и странных дел - составляют кабинет. Министры задавали приёмы гостям фестиваля в своих однокомнатных квартирах, а Президент, соответственно, в своей двухкомнатной.

На сцене, где пели барды, всегда сидел народ и, попробовав сложить научные степени по обе стороны рамп, мы могли получить абсолютно равные величины. Может быть, поэтому на концертах исчезали те полтора метра, которые обычно возвышают сцену над зрительным залом.

Чтобы воссоздать демократическую атмосферу фестиваля, я буду бардов (кроме одного) называть неполными именами. Это, правда, не значит, что со всеми я пил на брудершафт. Просто мне кажется, что и на афишах (когда ими оклеют заборы больших городов) надо писать, например, так: «ЮРА КУКИН. ПЕСНИ С ИСТОРИЯМИ»...

...Кукину 35 лет. Живет в Ленинграде. Тренер по фигурному катанию. А летом, когда вместе со льдом тает его работа, ходит в геологические партии.

Министр социологии клуба «Под интегралом» Юра Карпов сказал как-то: «Недоделанность песен бардов соответствует недоделанности нашего обыденного сиюминутного сознания»...

...Барды - наши боги и герои именно потому, что они никакие не боги и не герои, а как мы — обыкновенные современники друг друга. Мозги бардов - наши мозги, а их возможности - наши возможности. Во всяком случае, нам так кажется.

На фестивалях путь к славе короток, как стометровка для бегуна на длинные дистанции.

Всего пятнадцать минут понадобилось Саше Дольскому на то, чтобы стать «звездой первой величины». Спел он «Развесёлую песенку о манекене», «Как нарисовать птицу» (на слова Жака Превера), да «Канатоходца», да «Фантомаса», и - Дольский, Дольский, Дольский! - пронеслось по Академгородку...

Почему-то Виктор Славский не упоминает исполненную А.Дольским пародию на Владимира Высоцкого (наверно считая, что о нём теперь можно говорить, только поклонившись и почтительно, сняв шляпу). Ту самую песню, цитируя из которой слова, не называя автора, потом резко раскритиковал журналист Николай Мейсак, за безграмотный язык, скорее всего, потому что он тогда был ещё не знаком с песнями Владимира Высоцкого:

Александр Дольский, «Орфей», на музыку В.Высоцкого

В королевстве, где всем снились кошмары
И страдали от ужасных зверей,
Появилось чудо-юдо с гитарой
По прозвищу разбойник-Орфей.
Страшно, аж жуть.

Колотил он по гитаре нещадно,
Как с похмелья леший бьёт в домино.
И басыщем громобойным, площадным
Так ревел, примерно всё в до-минор.
Смачно, аж жуть.

Поначалу весь народ испужалси,
И Орфея истребить порешил.
Этим временем Орфей ошивалси
В тех лесах, где Змей Горыныч грешил.

Лишь он начал свои трели-рудады
У Смердящей речки на берегу,
Змей Горыныч тут взмолился – «Не надо!
Если хочешь - так в загранку сбегу».

А Орфей: - «Так это что мне за толк-то,
Ты бы свёз меня в столицу верхом.
Да ещё вот спать люблю долго,
Поработай у меня петухом».
Практичный, аж жуть.

Делать нечего, Змей Горыныч согласный.
И встречает их народ и король: -
«Будь, Орфеюшка, во веки ты счастлив,

И жениться на принцессе изволь».
Страшной, аж жуть.

А Орфей: - «Так это что за награда,
Коньячку ты мне цистерну изволь.
А принцессу мне и даром не надо,
Пусть с ней мается какой-нибудь король.

Я раз пять уж на принцессах женатый,
Эти девки по хозяйству слабы,
Да ещё вот её хватает зарплат,
Что бы всем им алименты платить».

А король: - «Согласен? Нет? Ну и точка».
Даже рад, принцессу надо беречь.
Влез тогда он на коньячную бочку
И прокашлял он такую вот речь: -

«Орфея будем слушать без шляп мы,
В его песнях слишком много мысли.
Это вам не то, что Федька Шаляпин,
Или этот, как его там, Мыслим.
Умный, аж жуть».

С этих пор, слышать, Орфей вышел в люди.
Говорят, что даже пел он в кинь.
Если он вот выступать как-нибудь будет,
Неприменно посмотреть надо мне.
Любопытно, аж жуть.

...В отличие от многих бардов, Саша великолепно владеет гитарой, и музыкальные акценты в его песнях так же важны, как смысловые. Саша обаятелен вплоть до того, что на дискуссии получил упрек в том, что слишком нравится залу.

Действительно, в анкете на вопрос: «профессия» Саша может смело писать: «Любимец публики». А вообще-то он аспирант кафедры экономики строительства в одном из свердловских институтов, и всякий раз при встрече профессор говорит ему:

«Доктор Дольский, когда вы бросите свои танцы-шманцы?»

А зал топчет ногами:

«Ещё, Саша, ещё!..» Какое ему, залу, дело, что Саше через два часа лететь в Свердловск на заседание кафедры, которой, в свою очередь, безразлично его увлечение «танцами-шманцами». Но пока есть время, бард, в который раз поёт:

Александр Дольский «Полу-песня»

Полу-солнце, полу-дождь,
Зонтик полу-красный,
Ты ко мне полу-идёшь
Сверх полу-напрасно.

Полу-смотришь, полу-спишь,
Полу-притворяешься.
Полу-поцелуешь лишь,
Полу-растворяешься.

Говоришь ты полу-мне:
«Все полу-цветочки,
Нам бы нужно поумнеть
Полу-одиночкам».

И летят, летят слова
Стаей воробьиной.
Я с тобой полу-словарь,
Полу-половина.

Я язык перевожу
Твой полу-невнятный.
Как я все переносу -
Просто не понятно.

Полусолнце, полудождь.
Зонтик полукрасный.
Ты ко мне полуидёшь
Сверхполунапрасно.

И ещё:

Александр Дольский «Домик в три окошка»

Начертил я домик в три окошка,
И зажёл в окошках яркий свет.
Посадил я на пороге кошку,
А жильцов, жильцов пока что нет.

Я по свету брожу, я прохожих прошу,
Поселитесь, пожалуйста в доме.
Проведу я вам газ, я же строил для вас.
Возьмите, вот ключ на ладони.

Посмотрел мой дом один прохожий,
И сказал он, шляпу теребя:
- «Ты же сам вселится в домик можешь».
Нет, старался я не для себя.

Я по свету брожу, я прохожих прошу,
Поселитесь, пожалуйста в доме.
Проведу я вам газ, я же строил для вас.
Возьмите, вот ключ на ладони.

А другому не хватает сада.
Домик не продать и не купить.
И, мол, он не обнесён оградой,
И собаки нету на цепи.

Я по свету брожу, я прохожих прошу,
Поселитесь, пожалуйста, в доме.
Проведу я вам газ, я же строил для вас.
Возьмите, вот ключ на ладони.

И никто, никто, никто не верит,
Что в бумажном доме можно жить.
Отворять игрушечные двери,
И бумажный чай из чашек пить.

Я по свету брожу, я прохожих прошу,
Поселитесь, пожалуйста в доме.
Проведу я вам газ, я же строил для вас.
Возьмите, вот ключ на ладони.

...Однако никто не хочет заселять дом. И это при нашей потребности в жилье?! В чём дело? А вот в чём: дом-то, оказывается, нарисованный. Кто ж такой будет принимать всерьёз?.. А бард всё просит и просит... Если бы ему доверились, дом тотчас же стал бы взаправдашним, кирпичным - он обещает.

...Выше я писал, что барды своим видом ничуть не отличались от аборигенов Академгородка. Но был среди участников фестиваля один, определить принадлежность которого к искусству не составляло никакого труда.

Высокий, стройный, в небрежно подвязанном поясом сером мохнатом пальто, с небольшими усиками над яркими губами гурмана - казалось, своей аристократичностью он должен был шокировать плебейское братство бардов... Ан нет! Он-то и был бардом №1.

Александр Аркадьевич Галич, 48 лет, известный драматург и киносценарист. За последние несколько лет написал более семидесяти песен и так быстро приобрёл популярность в новом качестве, что у многих Галич-драматург до сих пор ассоциируется с Галичем-поэтом.

А как раз самые интересные песни Александра Аркадьевича те, в которых его поэтический талант проецируется на талант драматурга. Получаются песни-пьесы. Острые, смешные, социальные...

Недаром один московский театр предложил Галичу написать сатирическую комедию по его песне «Баллада о прибавочной стоимости». В самом деле, чем не сюжет?

Александр Галич «Баллада о прибавочной стоимости»

«...Призрак ходит по Европе, призрак коммунизма...»

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал.
Запятым по пятам, а не дуриком,
Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом».

Не стеснясь мужским своим признаком,
Наряжался на праздники призраком,
И повсюду, где устно, где письменно,
Утверждал я, что все это истинно.

От сих до сих, от сих до сих, от сих до сих,
И пусть я псих, а кто не псих? А вы не псих?
Но недавно случилась история –
Я купил радиолу «Эстония»,

И в свободный часок на полчаса
Я прилёг позабавиться классикой.
Ну, гремела та самая опера,
Где Кармен своєю бросила опера,

А когда откричал Эскамилио,
Вдруг своё я услышал фамилиё.
Ну, чёрт-те что, ну, чёрт-те что, ну, чёрт-те что!
Кому смешно, мне не смешно. А вам смешно?

Гражданин, мол, такой-то и далее –
Померла у вас тётка в Фингалии,
И по делу той тёти Калерии
Ожидают вас в Инюрколлегии.

Ох и вскинулся я прямо на дыбы,
Ох, не надо бы вслух, ох, не надо бы!
Больно тема какая-то склизкая,
Не марксистская, ох, не марксистская!

Ну, прямо, срам, ну, прямо, срам, ну, стыд и срам!
А я-то сам почти что зам! А вы не зам?
Ну, промаялся ночь, как в холере, я,
Подвела меня, падла, Калерия!

Ну, жена тоже плачет, печалится –
Культ – не культ, а чего не случается?!
Ну, бельишко в портфель, щётку, мыльницу,
Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться,

Ну, являюсь, дрожу аж по потрохи,
А они меня чуть что, не под руки.

И смех и шум, и смех и шум, и смех и шум!
А я стою – и ни бум-бум. А вы – бум-бум?

Первым делом у нас – совещание,
Зачитали мне вслух завещание –
Мол, такая-то, имя и отчество,
В трезвой памяти, все честью по чести,

Завещаю, мол, землю и фабрику
Не супругу, засранцу и бабнику,
А родной мой племянник Володечка
Пусть владеет всем тем на здоровьечко!

Вот это да, вот это да, вот это да!
Выходит так, что мне туда! А вам куда?
Ну, являюсь на службу я в пятницу,
Посылаю начальство я в задницу,

Мол, привет, по добру, по спокойненьку,
Ваши сто – мне, как насморк – покойнику!
Пью субботу я, пью воскресенье,
Чуть посплю – и опять в окосение.

Пью за родину, и за не родину,
И за вечную память за тётину,
Ну, пью и пью, а после счёт, а после счёт,
А мне б не счёт, а мне б ещё?! И вам ещё.

В общем, я за усопшую тётеньку
Пропил с книжки последнюю сотенку
А как встал, так друзья мои, бражники,
Прямо все, как один, за бумажники:

– Дорогой ты наш, бархатный, саржевый,
Ты не брезговай, Вова, одалживай!
Мол, сочтёмся когда-нибудь дружбою,
Мол, пришлешь нам, что будет ненужное, –

Ну, если так, то гран-мерси, то гран-мерси,
А я за это вам – джерси. И вам – джерси.
Наодалживал, в общем, до тыщи я,
Я ж отдам, слава Богу, не нищий я,

А уж с тыщи-то рад расстараться я –
И пошла ходуном ресторация....
С контрабаса на галстук – басовую!
Не «столичную» пьем, а «особую».

И какие-то две с перманентиком
Все назвать норвят меня Эдиком.
Гуляем день, гуляем, ночь, и снова ночь,
А я не прочь, и вы не прочь, и все не прочь.

С воскресенья и до воскресения
Шло у нас вот такое веселие,
А очухался чуть к понедельнику,
Сел глядеть передачу по телику.

Сообщает мне дикторша новости
Про успехи в космической области,
А потом: Передаём сообщения из-за границы.
Революция в Фингалии!

Первый декрет народной власти о национализации земель, фабрик, заводов и всех прочих промышленных предприятий.

Народы Советского Союза приветствуют и поздравляют братский народ Фингалии со славной победой!

Я гляжу на экран, как на рвотное,
То есть, как это так, все народное?!
Это ж наше, кричу, с тётей Калею,
Я ж за этим собрался в Фингалию!

Негодяи, кричу, лаботрясы вы!
Это всё, я кричу, штучки марксовы!
Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости!

А я ж её – от сих до сих, от сих до сих!
И вот теперь я полный псих! А кто не псих?!

Мещанин, неприметная личность, вдруг узнает, что его тётя Калерия, почившая в далёкой капиталистической Фингалии, оставила ему богатое наследство. И вот сквозь неприметную личность продирается заводчик, выжига, купец. В ожидании мешков с банковским клеймом проматывает купец все свои кровные, ведь теперь они ему, как насморк покойнику. Оргия, кульминация. Конец первого акта.

А что дальше? А вот что. Смотрит наш герой телевизор и узнаёт, что в Фингалии произошла революция, национализируется промышленность и становятся народными все банки, фабрики, заводы... Представляете, что творится с неприметной личностью? Он поёт:

Я смотрю на экран, как на рвотное,
То есть, как это так - всё народное?!
Это ж наше, кричу, с тётей Калею,
Я ж за этим собрался в Фингалию.

Неприметный звереет. В свои личные враги он первым делом зачисляет... Маркса. Ведь не кто иной, как Маркс предсказал в своё время крушение всех неприметных личностей с приметными капиталами. Вот так кончается леденящая душу история «мещанина во богатстве».

В Академгородке зал покатывался от хохота, а социологи срочно переписывали слова, чтобы потом использовать песню в качестве учебного пособия.

- Боржом... Если бы можно было достать боржом, - выбегает Александр Аркадьевич за кулисы, воспользовавшись затянувшейся овацией.

Достают боржом, и Галич поёт ещё. Целое отделение. Галич считает, что пение барда - не музицирование, не наговаривание стихов, а театр. В этом театре только один актёр, а раз так, надо уметь быть на сцене долго. Разумеется, с помощью боржома.

Актёр Галич великолепный. Многие поют его песни, но так, как делает это он, не может никто. В его исполнении становится выпуклым не только каждое слово, но и каждая буква:

... А мы баллагурим, а мы курррролессим,
Нам недррругов ллесть — как во-да из ко-ло-дца.
Но помни - по рррельсам, по рррельсам, по рррельсам
Колёсса, колёсса, колёсса, колёса...

Нет, не то. Даже если записать слова так, как их прррроизносит Галич, всё равно эффекта вашего присутствия на его концерте не получится:

Александр Галич «Поезд», памяти С.М.Михозлса

Ни гневом, ни порицаньем
Давно уж мы не бряцаем:
Здороваемся с подлецами,
Раскланиваемся с полицаем.

Не рвёмся ни в бой, ни в поиск-
Всё праведно, всё душевно.

Но помни - отходит поезд!
Ты слышишь? Уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

А мы балагурим, а мы куролесим,
Нам недругов лезть, как вода из колодца!
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам -
Колёса, колёса, колёса, колёса...

Такой у нас нрав спокойный,
Что без никаких стараний
Нам кажется путь окольный
Кратчайшим из расстояний.

Оплачен страховки полис,
Готовит обед царевна...
Но помни - отходит поезд,
Ты слышишь?! Уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

Мы пол отциклуюем, мы шторы повесим,
Чтоб нашему раю - ни краю, ни сноса.
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам –
Колёса, колёса, колёса, колёса...

От скорости века в сонности
Живём мы, в живых не значась...
Непротивление совести —
Удобнейшее из чудачеств!

И только порой под сердцем
Кольнёт тоскливо и гневно -
Уходит наш поезд в Освенцим,
Наш поезд уходит в Освенцим
Сегодня и ежедневно!

А как наши судьбы как будто похожи —
И на гору вместе, и вместе с откоса!
Но вечно - по рельсам, по сердцу, по коже
Колёса, колёса, колёса, колёса! (1966)

...Галич - сатирик. И как вокруг творчества всякого сатирика, на дискуссиях затевались споры: а не лучше ли о наших недостатках говорить не так часто и не так резко, и не так открыто, и вообще не так уж и говорить.

Казалось, будь у таких оппонентов талант, взяли бы они гитару сами и спели миленький «Старательский вальсок», слова которого придумал за них Галич:

Александр Галич «Старательский вальсок»

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль.
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере ...к этакой матери.
Но поскольку молчание - золото,
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи - попадешь в богачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,

Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а за!
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду...
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание - золото.

Промолчи - попадѣшь в первачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маята,
И под всеми словесными перлами
Проступает пятном немота.
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем - доходней молчание,
Потому что молчание - золото!

Вот так просто попасть в богачи,
Вот так просто попасть в первачи,
Вот так просто попасть в - палачи:
Промолчи, промолчи, промолчи!.. (1963)

...На наших глазах создаётся народное творчество городской интеллигенции. Даже сама эта формула звучит парадоксально. Однако если интеллигенция - часть народа, почему же её самодеятельное творчество не фольклор? Городской гитарист и деревенский гармонист - коллеги, говоря языком первого, или брательники, выражаясь языком второго.

На закрытии фестиваля «наш советский Пит Сигер» Серёжа Чесноков, худощавый вежливый физик, зловеще поблескивая очками, пел с залом пиратскую песню Юлия Кима:

По бушующим волнам
Мы гуляем тут и там,
И никто нас не зовѣт
в гости.
А на мачте чѣрный флаг,
А на флаге белый знак.
Человеческий костяк -
кости!
А-ха-ха-ха!

- В этом месте надо свистеть! — кричит Серёжа в зал. - Мы же все пираты!
И зал свистит, ухает, ахает, топает ногами и делает все, что повелевает ему востренький Серёжа Чесноков, заставляя в свою очередь его петь песню за песней:

Юлий Ким «Пиратская», на мелодию старинной песни «Из Мадрида в Лиссабон»

По бушующим морям
Мы гуляем здесь и там
И никто нас не зовѣт
В гости -
Йо-хо-хо-хо!
А над нами - чѣрный флаг,
А на флаге - белый знак:
Человеческий костяк
И кости!
Йо-хо-хо-хо!
По бушующим морям
Воля нашим кораблям,
Все, что море дарит нам,
Делим пополам.

А море шлѣт

Нам весь торговый флот:
И флот гишпанский,
И флот голландский.
За всё добро -
За мех и серебро -
Заплатит пуля, ножик под ребро!
После абордажа
Мы берём стаканы,
Все, и даже стража,
Пьем четыре дня
Запоем:
Крепкий ром Ямайки,
Виски Сан-Франциско,
Бренди из Сантьяго
Крови даст огня!

А если вдруг
Иссякнет наш сундук,-
Мы всюду рыщем,
Добычу ищем.
На целый свет
Для нас закона нет,
А за семь бед один ответ:
Пуля - капитану,
Петля - атаману,
Остальной команде -
Камень привязать
И в море!
А пока мы живы -
Ищем мы наживы,
А на то, что будет -
Трижды наплевать!

По бушующим морям
Мы гуляем здесь и там
И никто нас не зовёт
В гости -
Йо-хо-хо-хо!
А над нами - чёрный флаг,
А на флаге - белый знак:
Человеческий костяк
И кости!
Йо-хо-хо-хо!
По бушующим морям
Воля нашим кораблям,
Всё, что море дарит нам,
Делим пополам! (1961)

Вот и конец празднику. Раздача символических призов.

Юра Кукин получает специальный приз за лучшую песню об Академгородке. Песню он писал не о нём, но какое это имеет значение - слова правильные. Песня старая и написана про некий фантастический город, но Юра считает, что, наконец, он появился в Сибири:

...Странные люди заполнили весь этот город,
Мысли у них поперёк и слова поперёк.
И в разговорах они признают только споры
И никуда не выходит оттуда дорог...

Юрий Кукин «Горы далёкие, горы туманные, горы...»

Горы далёкие, горы туманные, горы...
Горы далёкие, горы туманные, горы

И улетающий, и умирающий снег..
Если вы знаете, где-то есть город, город
Если вы помните, - он не для всех, не для всех.

Странные люди заполнили весь этот город,
Мысли у них поперёк и слова поперёк.
И в разговорах они признают только споры
И никуда не выходит оттуда дорог.

Вместо домов у людей в этом городе небо,
Руки любимых у них - вместо квартир.
Я никогда в этом городе не был, не был.
Я всё ищу, и никак мне его не найти...

Если им больно, не плачут они, а смеются,
Если им весело - вина хорошие пьют.
Женские волосы, женские волосы вьются
И неустроенность им заменяет уют.

Я иногда проходил через этот город,
Мне бы увидеть, а я его не замечал.
И за молчанием или за разговором
Шёл я по городу, выйдя, и не повстречав...

Поездом мне, поездом мне не доехать
И самолётом, тем более, не долететь.
Он задрожит миражем, он откликнется эхом
И я найду, я хочу, и мне надо хотеть!.. (1966)

...Учёные дарят Кукину колбу с чем-то прозрачно-белым внутри. На колбе написано: «Туман Академгородка». Вручает приз Анатолий Бурштейн - Президент клуба «Под интегралом»...

Статья о Первом фестивале бардов Виктора Славина отразив эмоциональные стороны этого праздника самодельной песни, обходила все острые углы, которые обнаружились сразу после первого выступления Александра Галича и ничего не упомянула из того, какие тогда шли по этому поводу шумные дискуссии.

Автором этой статьи, вместо отрывков и наряду с отрывками песен, процитированных Виктором Славным, вставлены их полные тексты, как и в статье Льва Зонова.

Что же касается выступления Александра Галича, то об этом достаточно подробно, можно узнать из статьи Юрия Дмитриевича Карпова «А.Галич: Март 68-го» (*журнал «Библиография», №1, 1993, стр.48*):

«...Булат Окуджава, которого планировали в Президенты фестиваля, уехал на гастроли в далёкую Австралию, и Юлий Ким, «поскользнувшись» на каком-то выступлении, оказался заблокирован.

А вместе с тем стремительно надвигалась Пражская весна и в городке появились чехи-социологи, затеявшие по единой программе с Татьяной Заславской смелое исследование социальной структуры двух стран (кстати, позже увёзшие в Прагу статью Мейсака с целью сделать по ней сатирический спектакль).

Таковым был фон, на котором, несмотря ни на что, 7 марта 1968 года фестиваль всё же открылся.

Передо мной заполненные анкеты ряда участников. Здесь, кроме Александра Аркадьевича Галича, москвичи: Толя Иванов, Борис Рысев, три Сергея-физика - Смирнов, Крылов, Чесноков, юный Володя Бережков, ленинградцы: Юрий Кукин и Глазанов, тогда ещё свердловчанин - Александр Дольский, трое красноярцев, двое - из Севастополя, один из Казани, незабвенные Арик Крупп из Минска и Юра Лосев из нашего городка...

Из приехавших оперативно формировались концертные бригады, которые распределялись по многочисленным площадкам, как самого Академгородка, так и находящегося в тридцати километрах Новосибирска - прежде всего среди студентов и научных работников.

Как правило, все концерты сопровождались своеобразным разговорным жанром - комментарием выступающих к собственному творчеству, дискуссиями о природе авторской песни, о жизни вообще.

Эта потребность в подобном осмыслении содержания песен бардов была вызвана близостью бардовского творчества своим духом и формой обыденному сознанию, хотя и сравнительно небольшого, слоя наиболее раскованных (в результате перемен, вызванных двадцатым съездом) людей нашего общества (их мы сегодня называем «шестидесятниками»).

Следует подчеркнуть, что песни бардов и фестивальные дискуссии по их поводу явились своего рода «пусковым механизмом» к завершению уяснения многими молодыми людьми факта противостояния их представлений о жизни официальной идеологии, что проявилось в энергичном противостоянии конкретных лиц, за которыми, как на плакате, виделась оппозиция простых, не обремененных постами и должностями, хотя и думающих, людей с одной стороны баррикад, и лиц, входящих в систему управления обществом: партийных и комсомольских работников-аппаратчиков, руководителей учреждений и организаций и т.п. - с другой.

Дискуссии были включены в фестивальное расписание - отдельными пунктами, на равных с концертами и другими мероприятиями (например, с выборами Мисс «Интеграл-68» и двух её «производных»).

Они состоялись, в частности, в трёх крупнейших залах Академгородка: Доме учёных, ТБК (торгово-бытового комбината) и конференц-зале Института геологии и геофизики.

Большинство выступлений на этих дискуссиях было записано радистом «Интеграла» физиком Сашей Ильиным и почти сразу расшифровано с магнитной ленты юными волонтерами штаба фестиваля.

Ниже мы постараемся максимально приближенно к оригиналам, избегая собственных изложений сказанного и допуская лишь небольшие разумные изъятия повторов или мест, явно не относящихся к сути дела, передать наиболее интересное из этих выразительных документов той поры, являющейся практически прямой идейной предтечей нынешней, ознаменовавшейся крахом тоталитаризма.

Естественно, что при отборе из огромного количества материала наше внимание останавливали прежде всего его удивительная актуальность, переключки с сегодняшним днем. И, несомненно, важнейшим явлением этого столь социально значимого события духовной жизни явилось творчество Александра Аркадьевича Галича и сам он - яркая, глубокая фигура, оказавшаяся также в центре общественного внимания на фестивале и в идеологически бурный послефестивальный период.

Особенно сильные споры развернулись вокруг нескольких идеологически острых песен А.Галича, впервые исполненных им публично на столь широкой аудитории: «Памяти Пастернака», «Закон природы», «Ошибка», «Баллада о прибавочной стоимости».

Нам кажется обоснованным начать изложение материалов дискуссий с выступления первого секретаря райкома партии, на территории которого находился Академгородок, - В.П. Можина (тогда кандидата экономических наук, впоследствии защитившего докторскую, ставшего академиком ВАСХНИЛ, ныне руководителя крупного научного учреждения).

Итак, мнение В.П.Можина:

«Для меня понятно следующее: песни Галича - социальная сатира. Это не просто туристские песни, костровые, лирические. И в этом отношении он выпадает из ряда людей, которые поют, называемых бардами.

Его тематика - социально-политическая сатира. То, что такая сатира имеет право на существование, доказывать не надо, это ясно. Во всех этих вещах, затрагивающих очень острые социально-политические проблемы, важна позиция автора. Потому что недостатков у нас хватает. Все эти недостатки можно по-разному интерпретировать. Можно преподнести с болью в сердце, можно говорить о них как о явлении нежелательном, но можно это обыгрывать, на этом деле играть и тем самым давать пищу нашим идеологическим врагам.

Я не знаю многих песен Галича, но мне кажется, что в ряде его песен эта социальность, личная позиция недостаточно чётко выражена. Я впервые услышал песню «О прибавочной стоимости»: здесь невольно напрашивается вывод, что у нас вроде бы обыватели все, такая ассоциация возникает. Или возьмем другую песню, мне о ней рассказывали, где все «в ногу шагают» и мост от этого рушится. Здесь затрагивается очень большой вопрос. От этого «моста» есть мост к единству вашего общества.

Конечно, мы не то чтобы все одинаково мыслим и все во всех своих поступках были бы одинаковыми - это немисливо, невозможно. Утопично думать, что все будут одинаково мыслить. Но нашим большим, огромным приобретением является то, что наше общество едино. Наверное, никто бы из присутствующих здесь не хотел бы, чтобы у нас была такая ситуация, как сейчас в США, где существует раскол общества: белые воюют с неграми, классовая борьба очень сильна.

Как раз то, что у нас общество более-менее социально однородно, что существует единство, - это даёт основу для принятия таких решений, которые отражают мнение большинства народа. Это надо беречь, за это надо бороться. Мы себе иногда просто не представляем, что значит жить в конфликтном обществе, которое раздирается от противоречий.

Это наше счастье, что мы живём в обществе, которое имеет единую морально-политическую основу. И надо это нам беречь, ведь можно раздуть какую угодно национальную вражду. И хотя народ у нас десятилетиями воспитан в интернациональном духе, мы должны заботиться об их национальном и социальном единстве.

Я работаю в райкоме партии, и мне приходится часто встречаться с мнениями простых людей, считающих, что в Академгородке живут учёные, которые «ещё неизвестно чем занимаются, хотя здесь им построили очень много». Отдельные такие высказывания есть.

С другой стороны, мне приходится встречаться с проявлениями снобизма со стороны научных работников. Так вот, если это подогреть, то может разразиться такой конфликт, от которого никому не будет хорошо...

Есть нечто святое, святые вещи, о которых нужно думать. Меня несколько волнует, я Вам прямо скажу, Александр Аркадьевич, что здесь больше бы социальной ответственности.

Понимаете, есть вещи святые, к которым надо осторожно относиться... хотя сатира - есть сатира, и она всегда хлещет очень здорово. Я не берусь судить обо всех Ваших песнях, но мне показалось, что Ваша позиция, лично Ваша, скажем, то, что Вы говорите об обывателях, которые за границей бегают за шмотками... нуждается в более чётком выражении».

В.П.Можину задаёт вопрос молодой публицист Леонид Жуховицкий:

«Не считаете ли Вы, что такие песни - при достаточно разумном подходе - можно предварительно аргументировать и пояснить некоторые моменты, но не запрещать. Потому что это настолько накаляет атмосферу, и мы видим подобное в ходе этого праздника песни.

Наполовину она накалена чисто идеологическими вопросами. Мы в чём-то не доверяем публике, зрителю, а в чём-то просто не можем аргументировать, потому что нет таких людей, которые трезво оценивали бы то или иное явление и выступили бы с большой трибуны.

Может, нужно перед выступлением Александра Аркадьевича людям сказать о своих сомнениях и попросить Александра Аркадьевича самому свою личную позицию поставить прямо, в заостренной форме. Потому что просто избегать таких резких вопросов время уже сейчас не позволяет».

Ответ В.П.Можина:

«Сам факт проведения здесь праздника песни свидетельствует о том, что никакого запрета не было. Мы обсуждали этот вопрос – «давать, не давать?». Я прямо говорю: «Как это лучше организовать».

У нас были определённые опасения: прежде всего, чтобы не прозвучало какой-нибудь пошлятины, потому что среди самодеятельных песен она есть.

Мы не требовали никаких текстов от людей, которые здесь выступали. Мы доверились организаторам, но опасения, что понесут какую-нибудь пошлятину, естественно, были, и мы всегда будем об этом думать и беспокоиться и будем стремиться отбирать и выпускать на публику, тем более на тысячную аудиторию, людей, которые имеют и определённые способности, и по содержанию это должно быть на уровне.

Теперь по идеологии. Это вопрос, который интересовал, интересуется, и будет интересоваться и партийные органы. Мы за это дело отвечаем. Но поскольку это затрагивает широкое общественное мнение, мы знали и знаем, как молодёжь к этому относится, то нас, естественно, волнуют вопросы идеологического содержания песен, которые поют.

Песни, которые мы здесь обсуждали, в том числе и песни Галича, - это не контрреволюция, не антисоветчина. Если бы это было, мы бы этого просто не допустили, потому что это, кроме всего прочего, было бы противозаконно.

Но я хочу ещё раз подчеркнуть и просто посоветовать Александру Аркадьевичу, что позиция автора должна быть в ряде случаев более чётко выражена. И еще, мне кажется, есть некоторая излишняя злость, или, вернее, озлобленность».

Далее последовало выступления с оценкой песен исполненных А.Галичем, отражавшими официально-партийные точки зрения Новосибирского обкома комсомола секретаря П.Осокина и физика-ядерщика В.Захарова, который не согласился с этой точкой зрения. В тоже время А.Галич, «Вполне резонно считая, что всё сказал своим творчеством и его песни говорят сами за себя, специально «для начальства», не соизволившего послушать его ранее в концерте, исполнил несколько своих самых острых песен.

Исполнение «Баллады о прибавочной стоимости» А.А.Галич предварил следующим выступлением 12 марта 1968 года»:

«Поскольку мы сегодня не столько говорим, сколько занимаемся анализаторством, спорим, вот потому, вероятно, надо сказать, почему эта песня написана. Естественно, как всякий сатирик, я прежде всего воюю с одним из главных недостатков нашего времени - с мещанством и обывательщиной... Должен сказать, что по роду своей деятельности мне приходилось делать несколько совместных фильмов с другими странами: с Францией, Болгарией; сейчас буду делать картину с кооперированной продукцией Италии, Англии и СССР. Мне пришлось много побывать за границей, и я видел, как наши обыватели, которые на словах клялись в верности нашим идеям и идеалам, теряли сознание при виде всяких шмуток заграничных. Как они постыдно себя вели в этой обстановке.

Мне не хотелось бить в лоб, с прямого захода, мне хотелось как-то иначе, немного по-другому рассмотреть эту же самую тему, вывернуть этого мещанина.

То, что вы говорили, я понимаю как-то, что вы против того, чтобы складывать оружие сатиры. Я думаю, что оно никогда не будет сложено. Сатира всегда существовала, и будет существовать до тех пор, пока будут объекты для сатиры.

Вы говорили о литературных достоинствах произведения - что в нем не было никакого открытия. Но в нем было кое-какое открытие. Для меня, во всяком случае.

Сейчас по поручению партийной организации Союза писателей я веду семинар с молодыми, воспитываю молодых драматургов. И вот одна из технических задач, поставленных мной перед ними, - попытка найти абсолютно современное решение старым темам. Что может быть старше темы о мещанине, на долю которого выпало неслыханное богатство и наследство.

Но современное решение в данном случае придумано мною впервые. Таким же образом может быть решен «Тартюф», вероятно, «Ревизор» и т.д. Поисковать, причём по-своему, а именно, исходя из тех экономических, социальных и политических явлений времени, которые происходят в нашем мире. Эти, грубо говоря, задачи стояли передо мной, когда я сочинял «Балладу о прибавочной стоимости».

Приведём теперь документальные записи еще одной специально организованной дискуссии, которую провели мы (Ю.Карлов) с В.Меньшиковым с 20 часов 22 марта до двух часов ночи 23 марта в конференц-зале Института геологии и геофизики.

Центральной фигурой среди выступавших, несомненно, был директор института академик А.А.Трофимук (который и возглавил «авторский коллектив», отправивший письмо-донос на Александра Аркадьевича в Москву). Касаясь творчества А.А.Галича, он сказал следующее:

«Я не был предубежден (*против Галича*), увидев, что он человек моего возраста, думал, что в его выступлении будет связь между поколениями, преемственность. Ну, а что получилось? Вот здесь говорили о «Прибавочной стоимости».

Товарищи, это такая вещь безобидная, что можно было бы о ней и не говорить. И не это нас, меня, например, тронуло. Меня тронула его первая вещь - о Пастернаке и те выводы, жестокие, неприязненные, не терпящие никакого иного толкования. Меня тронула его вещь относительно солдат погибших и егерей («*Ошибка*»).

Товарищи! Ведь это букет. И недаром наливались кровью шеи слушающих его товарищей. Александр Аркадьевич взял на себя очень, с моей точки зрения, неблагоприятный труд описывать в такой категорической, не терпящей возражения форме недостатки развития нашего общества. И, преподнося их в высокой художественной форме, он действует на молодежь как удар молота.

Молодёжь всё же не знает, что было в 1943 году, некоторые даже не родились тогда. И эти намёки о павшей армии и прочие штуки ими воспринимаются в буквальном смысле.

И почему, делается такой вывод, что эти вставшие из могил бойцы, услышав рог каких-то егерей, неужели они на нашей Родине после 43-го года ничего нового не увидели? Неужели они не увидели победу?

И если он гражданин, если у него есть гражданское мужество, он должен был заключить такими словами, чтобы поднять. А вот молодёжь станет думать, что от неё скрыли, что какой-то военачальник завёл армию, и она погибла в 1943-м...

Или - Пастернак. Я не знаю, где был сам Александр свет Аркадьевич, но, наверное, он мог бы реагировать своевременно и в том кругу, которого это касается, а не разносить это вот так - как истину. Тем более что я сомневаюсь, что это истина.

И вот, товарищи, я хочу сказать Александру Аркадьевичу, чтобы он со своим высоким мастерством, своим умением подать для массы народа ту или иную вещь задумался над тем, перед какой аудиторией он выступает, и если он все это только чёрными красками рисует, то какое настроение создается у молодёжи? Но почему ещё аплодируют?

Для этого не надо большого труда (*чтобы то понять*). Именно потому, что создана легенда, что он страдал, что его кто-то не пускает выступать, и прочие вещи, понимаете: что он приехал сюда, спокойно говорит перед всеми, и его мужеству, так сказать, вот такому рукоплещет молодёжь, которая сути дела, может быть, даже и самой песни не понимает. И на этом играть нельзя.

Старшему поколению особенно непростительно. Я бы не стал даже выступать, если бы это был молодой парень. Ну, бог с ним, где-то начитался, кто-то ему рассказал неправильно, и вот у него создалось такое предвзятое и неправильное представление, что он выступил с такой резкой критикой, так сказать, односторонней, без каких-то там компромиссов».

Выступление директора института не могли не поддержать и подчиненные, в том числе и такие вполне интеллигентные и либеральные, как, например» доктор геолого-минералогических наук Г.Л.Поспелов. Из выступления Г.Л.Поспелова:

«По-моему, бардовская поэзия отличается от небардовской тем, прежде всего, что это поэзия без редактора. Именно в этом её сущность и основная мысль. И благодаря этому именно к бардам и идут, и первое, что хотят услышать от них, - поэзию без редактора. В этом отношении это движение, безусловно, общественное явление. Песни бардов поют уже миллионы людей - по всей стране. Замолчать, закрыть Америку уже нельзя...

Я думаю, что в этом движении имеется очень большая возможность для сплочения людей, чтобы поднять их интерес к личному творчеству, личному самовыражению... И, кроме того, в бардовской песне есть ещё один очень важный элемент - в ней проводится критика и самокритика на всех уровнях... В бардовской песне можно очень остро и очень больно, так сказать, высказаться по целому ряду принципиальных вопросов, которые имеются в нашей жизни...

В ходе развития этих бардов и их песен появляются серьёзные и очень крупные таланты, которые могут производить большое влияние на общество. Я думаю, что такие люди с таким уровнем таланта, как Окуджава, Галич, способны взбудоражить людей, и чрезвычайно сильно. И здесь стоит вопрос об ответственности таланта.

Всё-таки как вы ни говорите, но есть определённая мера в нюансах, как говорится. Когда Галич поёт песню об этом самом - «мост обрушивается», так его можно по-разному понять.

Под словом «мост» одни поняли Советскую власть, государство: государство обрушивается, если все будут идти в ногу, а другой говорит, что вы говорите ерунду совершенно сущую, он говорит о том, чтобы все люди были разными, не были бы одинаковыми. И совершенно справедливо. Но, смотря где расставить акценты, смотря в какой компании и в каких песнях эти акценты расставить...

Я должен высказать своё личное отношение к песне Галича о Пастернаке. Я считаю Пастернака одним из гениальных поэтов России, и многое, что делалось в отношении этого старого, большого человека, было совершенно неправильным, возмутительным во многих случаях...

Но когда я запоздалую совесть на безопасном расстоянии начинаю слушать, я слушать её не могу спокойно! Галич не имел права написать о Пастернаке, потому что он трус. Это прямо ему надо сказать! (Аплодисменты.)

Если бы о Пастернаке написал другой человек, не мой, так сказать, современник, не мой одноклассник, не тот, который должен был сказать в своё время, а другой, я бы, понимаете, ещё бы посмотрел. Вообще говоря, там очень много, очень правильно, очень сильно, на мой взгляд, сказано. И очень хорошо сказано. Но Галич не имел (*на это*) права...

Теперь возьмём «Балладу о прибавочной стоимости». Вторая половина песни не вызывает ни у кого никаких сомнений. Наоборот, все с удовольствием слушают эту вторую половину. И как он смотрел «как на рвотное» и «как это всё народное?», когда «наше с тётей Калею». Или что-то в этом роде.

Но в начале, когда, говорилось, как изучают марксизм-ленинизм и тупеют от этого, вот эта вещь и прозвучала, собственно, современно и злободневно - в том смысле, что он дал ей такой акцент, при котором он направил эту вещь критически на сегодняшний день, в эту сторону. Так оно и было воспринято.

И опять (*как*) было сказано, какая озлобленность у человека, где у него патриотизм, где у него сознание Родины?

В этом отношении, когда имеются такие песни, создаются такие вещи, нужно всегда, вероятно, большому поэту быть чувствительным к определенным нюансам... В этом смысле я бы сказал, что Галич с его убедительной способностью говорить остро, говорить сатирически является одной из надежд нашей литературы. Но я бы считал, что Галичу надо быть более ответственным, более гражданственным, более патриотом своей Родины».

У Г.Л.Поспелова не было никаких объективных оснований говорить резкие слова в адрес Александра Аркадьевича по поводу Пастернака. Они все же были произнесены в связи с

эпизодом, рассказанным Пospelовым относительно его смелого поступка в защиту одного из своих коллег.

В этом контексте интересной, на наш взгляд, выглядит попытка одного из участников дискуссии С.Б.Горячева предотвратить излишнюю конфронтацию и предложить разумный компромисс на основе уважения разных точек зрения, в частности, на произведение о Пастернаке:

«...Если Вы говорите о большинстве, то Вы не правы, потому что на последнем концерте *песню* «Памяти Пастернака» зал принял стоя. Потому говорить о том, что большинство не принимает, это неверно, и вообще, понимаете, как-то не с того у нас пошла дискуссия. Оттого что мы найдем сейчас в друг друге неприязнь, понимаете, станем провоцировать друг друга не на те методы разговора, которые приемлемы между интеллигентными людьми, из этого, простите, ничего не получится.

Я понимаю Ваше отношение к Александру Аркадьевичу Галичу, Вы убежденный человек в этом отношении. Но, простите, откуда у Вас такая уверенность, что владеете истиной в последней инстанции? Понимаете? Здесь собрался достаточно ограниченный круг людей, очевидно, как-то заинтересованных понять, что же это такое — хорошо это или плохо.

Если же каждый из нас начнет сейчас навязывать друг другу истину в последней инстанции, то получится: «если все шагают в ногу — мост обрушивается», несмотря на то, что все идут в одну сторону, все идут строем, и все в порядке.

Тем не менее, даётся команда «Идти не в ногу». И все идут в одну сторону, это дружный коллектив, который, пройдя мост, опять возьмёт ногу, опять запоёт песню. Не надо упрощать там, где это некорректно. Теперь я призываю обе стороны к корректности и не бодать друг друга головой в живот. Давайте найдём другие формы дискуссии...».

Воспоминаний участников фестиваля явно мало, и даже в тех, которые приведены выше и то есть разночтения. Даже в отношении того, перед кем именно из руководства Академгородка или Новосибирска или ветеранами, выступал один только Александр Галич и тем более о том, как отреагировал он сам по поводу сделанных там критических замечаний.

Зато развёрнутый обзор фестиваля бардов сделал журналист Николай Мейсак в статье «Песня - это оружие. Слушая выступления «бардов»» в газете «Вечерний Новосибирск» от 18 апреля 1968 года:

«Устарел Чайковский! Устарел Бетховен! И Хачатурян - тоже. Новый величайший шедевр - песенка о «тамбур-мажоре».

Один мой знакомый, включив магнитофон, познакомил меня с этой песней. И сделал большие глаза: «Э-э-э, да ты отстаешь от жизни! Не слыхал?...»

А ещё через неделю о моем невежестве напомнил уже учёный, в лекции, прочитанной им в Доме актёра.

Что за удивительные мастера искусств появились на земле новосибирской? Нет, не миланский театр «Ла Скала», не изумительный ансамбль Реентовича, не Дмитрий Дмитриевич Шостакович - все они безнадежно устарели! Взошли, оказывается, новые звезды - барды. Это о них было немало разговоров в последнее время.

Впрочем, интерес к ним понятен: кто не любит песню?... Да ещё молодёжную, новую, искреннюю, от которой сердце становится сильнее?

«Барды - поясняет энциклопедия - народные певцы кельтских времён, ставшие впоследствии профессиональными средневековыми поэтами - бродячими или живущими при княжеских дворах. Вплоть до второй половины XVI века в Англии устраивались состязания певцов, которые были хранителями народных преданий старины...»

И как было б здорово: появились молодые народные певцы наших дней, что песнями своими славят родную страну, народ, который столько выстрадал за свою долгую историю и сегодня грудью пробивает путь человечеству в лучшее будущее.

...Они вышли на сцену неопрятно одетые, в нечищенных ботинках. В антракте одного «лохматого» спросили:

«Ты, парень, в медведи ударился?» «Нет, это - протест», - потрянул тот нечёсаной головой. Молодежь любит новое, свежее, необычное - такова чудесная черта молодости. И зал аплодировал даже немудрящей песенке, в которой, как говорится, «ни того - ни сего»: хорошо, когда человеку хочется творить, петь, делиться песней с людьми!

Медленно крутятся ролики - запись концертов парней, объявивших себя «бардами» - народными певцами.

Да, среди них есть люди талантливые. Мужественная «Песня о друге», не раз звучавшая по

радио, создана таким «самодеятельным» певцом-композитором. Но вот я слушаю концерты «бардов» местных и приезжих, что прошли недавно в Новосибирске, и режет слух что-то фальшивое. Какое-то кривлянье, поразительная нескромность и, простите, некоторая малограмотность.

Вот юноша обрывает песню на полуслове и, рассчитывая на овации, томно произносит:

- Я не могу петь! На меня так пристально смотрит из зала в бинокль девушка. Я не могу. На меня ещё никогда не смотрели в бинокль...

Другой, усаживаясь, вопрошает со сцены:

- Извините, товарищи, я не очень ору?

Какая галантность!

Потом в зал полилась «блатная музыка», хулиганские словечки, нарочито искаженный русский язык. Вот слова из «бардова лексикона»: «испужалси», «страшно аж жуть», «ентим временем», «падла», «хренация», «сволочи»...

Да ведь пьяный забулдыга, иногда поющий в поезде, - утончённый интеллектуал в сравнении с автором вот этих публично исполняемых строчек:

А ён - сучок из гулевых шоферов,
Он - барыга, калымщик и жмот,
Он - на торговой даёт будь здоров,
Где за рупь, а где и так прижмёт...

Какая тонкая лирика! И вспоминаются иронические строки Маяковского:

«О бард! Сгитарьте
«тара-ра-райра» нам:
Не вам писать агитки
хламовые.
И бард поёт, для сходства
с Байроном
На русский на язык
прихрамывая...

Вы спросите: как терпела аудитория? Терпела. И - даже аплодировала. А часть даже бросала на сцену цветы: новое! свежее!

Новое? Свежее? «Я спою вам песню «Лекция о международном положении»! - объявляет очередной. Не звучала ещё с эстрады песня с таким названием. Что скажет певец о клокочущем мире, который сбрасывает с себя цепи рабства, о мире, где в смертельной схватке борются две идеологии, два отношения к человеку, два отношения к жизни, два класса - класс тружеников и класс паразитов? Кажется, прозвучит песня-призыв, песня-раздумье о судьбах мира, песня, славящая Родину нашу, которая всей мощью своей сдерживает чёрные силы, рвущиеся к ядерному пожару. Но где там! Мальчикам, именующим себя «народными певцами», как говорится, «до лампочки все эти премудрости»! И вот звучит под гитарное треньканье сипловатый торопливый говорок:

А я чешу, чешу ногу, и начесаться не могу,
В ЦУМ «Спидолы» завезли, в ГУМ «болонью» привезли,
А мандарин не привезли, а греки греков извели,
А я чешу, чешу ногу.
Себе чешу, чешу ногу, тебе чешу, чешу ногу,
И вам чешу, чешу ногу, а начесаться не могу...

В баньку бы сбегать перед концертом! Чтоб не чесаться под гитару на сцене. И хотя бы раз в неделю читать газеты и слушать радио.

- Это же шутка! - говорили мне некоторые их тех, кто слушал эту «чесанку». Но я хочу возразить, ибо всякое публичное выступление - дело серьёзное. «Слово, - писал Маяковский, — полководец человечьей силы».

И как-то неловко слушать, что «греки греков извели», в то время, когда наша и почти вся зарубежная печать пишет: в фашистском концлагере тяжело болен Глезос - Герой, Патриот, легендарный борец, который, будучи таким же юным, как наши «барды», сорвал гитлеровский флаг с Акрополя, доказав врагу: греческий народ непобедим!

Совестно слышать это безразличие ко всему на свете, в то время, как выдающаяся актриса - слава Греции, покинув родную страну в знак презрения к режиму «чёрных полковников», поклонилась бороться против них до полной победы народа. Поучиться бы у нее «бардам» политической

зоркости! И разве такие «народные певцы» не прививают молодёжной аудитории равнодушие ко всему происходящему в мире?

Барды древности громко воспевали мужество, героизм, подвиги и мечты своего народа. Вот тематика очень многих наших «бардов»: поют они... о «женских чулках на голове», о «гусарствующих» бездельниках, а один, ломаясь, вопрошает: «То ли броситься в поэзию, то ли сразу в желтый дом?» Нет! Лучше - в восьмой класс вечерней школы. Это - не ирония. Это - деловое предложение.

Только приветствовать надо певцов, так сказать, своих, домашних, близких, которые как-то по-особому умеют войти в душу. Но, повторяю, ко всякому публичному выступлению надо относиться с чувством гражданской ответственности. А для того, чтоб творить, надо учиться. Подучить бы русский язык, воспитать в себе высокий эстетический вкус, чтоб не пользоваться дешёвыми приёмчиками.

А наряду со всем прочим ознакомиться с основами этики: очень уж неприятно глядеть на неопрятного певца, чьи пальцы, перебирающие нежные струны, окаймлены траурной полоской. Ах, да! - Это они - «в знак протеста». Против чего возражаете, парни? Против того, что перед вами - богатейший выбор белых булок, о которых пока лишь мечтать могут две трети человечества?

По сводкам ООН, именно столько людей на земле хронически недоедает! Против того, что для вас, молодых, построен великолепный Академический городок, стоящий 300 миллионов? Против того, что отцы ваши титаническим напряжением сил, сознательно идя на лишения, ломая трудности, вырвали Россию из вековой отсталости? Против того, что страна по-матерински заботится о вас, отдавая вам всё лучшее, что может она дать сегодня? Против того, что у нас появляется всё больше великолепных магазинов, плавательных бассейнов, танцевальных залов, школ, институтов? Против того, что для физического и духовного развития молодежи народ ничего не жалеет и делает все, что в его возможностях в наше сложнейшее время?

Да, уверен: всего было бы у нас еще больше, если б не пришлось восстанавливать из пепла почти две тысячи своих городов и несчётное множество сёл. Если б не пришлось заново строить разгромленные гитлеровскими негодьями заводы, если б захватчики до нитки не разграбили те края, где довелось им похозяйничать.

А ведь грабили всё - от кроваток в детском садике до одесского трамвая, который вот так полностью - с рельсами и вагонами - «увели» захватчики!

Я говорю об этом потому, что и молодёжь должна все видеть в исторической взаимосвязи. И не странно ли: немцы, кинорежиссеры Торндайк, создают потрясающий документальный фильм «Русское чудо», который, затаив дыхание, смотрят миллионы людей за рубежом. Они поражаются мужеству и несокрушимой силе нашего народа, который за полвека - миг на часах Истории - превратил «убогую и бессильную матушку Русь» в одно из двух сильнейших государств мира.

А иные мальчишки, видите ли, не умываются и не стригутся «в знак протеста» против того, что... у нас нет кабаре со стриптизом. Надо бы всё-таки знать историю своей страны, мальчишки! И - преклоняться перед подвигом своего народа.

Кабакон со стриптизом не будет: иная у нас мораль, иной взгляд на эту «деталь цивилизации». А почему вас не волнует, что некоторые влюбленные дарят девочкам цветы, сорванные ночью в сквере Героев революции?

Вот бы бардам обрушить свой гражданский гнев на «рыцарей», ворующих цветы у мёртвых! Вот бы певцам народным в иронической песне спросить у девочек, что высказывают замуж через полсутки после встречи с незнакомцем: «Куда бежите, милые? Где ваша девичья гордость?» Вот бы высмеять тех, которые «смолят» сигареты, даже хлебная суп в столовке?

Что-то не знавала русская женщина таких развлечений. И Татьяна Ларина, и Зоя Космодемьянская, которые вошли в историю образцами женственности, нежности, чистоты и силы женского сердца, наверное, с отвращением поморщились бы, заглянув в иное молодежное кафе, скажем, в ту же «Эврику», где некоторые «девушки в осьмнадцать лет» хлещут горькую не хуже дореволюционных московских извозчиков.

А какой материал для барда хотя бы в этой картинке: три плечистых хлопца, покуривая, ругают на чём свет стоит... райисполком за то, что во дворе скользко. А поодаль тетя Дуня-дворничиха тяжёлым ломиком долбит лед. Взять бы хлопчикам да помочь ей! Да поразмяться! Показать силу богатырскую, отточенную в бесплатном спортивном зале, на бесплатных стадионах!

Но чесать языком легче. Это ли не тема для барда? Если он - настоящий гражданин своего советского Отечества и вместе с народом делит его боли и радости, мечты и надежды. Если, конечно, он заинтересован не в одних аплодисментах, прямо скажем, дешёвеньких.

Это ведь так необычно: человек с гитарой «сыплет» в публичном концерте блатным жаргоном. Действительно, необычно для простаков: вместо «Я помню чудное мгновение» услышать, как к женщине обращаются вот этак: «Где ж ты, падла, пропадала?»

Да, легко «протестовать», когда на бессонных заводах трудятся девушки и парни, создающие благополучие страны. Когда девчата-доярки делят вечер между учебником заочного вуза и

фермой, чтоб поутру напоить «протестантов» свежим молоком. Когда на границах стоят такие же молодые ребята, оберегающие покой народа.

Вот бы воспеть их народным певцам - бардам. Но, увы, мы слышим со сцены кабацкий надрыв, видим манерные ужимочки - не от духовной ли и душевной бедности все это?

Крутится ролик с плёнкой, разматываются концерты, слышатся аплодисменты и даже выкрики «Бис, bravo!» И - жеманные фразы, начинающиеся с буквы «Я»: «Я признаюсь», «Я очень люблю сочинять», «Я уже пел», «Я признавался, что я»... И, наконец: «Я люблю сочинять песни от лица идиотов».

Кто же раскланивается на сцене? Он заметно отличается от молодых: ему вроде б пятьдесят. С чего б «без пяти минут дедушке» выступать вместе с мальчишками? «Галич, Галич», - шепчут в зале.

Галич? Автор великолепной пьесы «Вас вызывает Таймыр», автор сценария прекрасного фильма «Верные друзья»? Некогда весьма интересный журналист? Он? Трудно поверить, но именно этот, повторяю, вполне взрослый человек, кривляется, нарочито искажая русский язык.

Факт остаётся фактом: член Союза писателей СССР Александр Галич поёт «от лица идиотов». Что заставило его взять гитару и прилететь в Новосибирск? Жажда славы? Возможно. Слава - капризна. Она - как костёр: непрерывно требует дровишек. Но, случается, запас дров иссякает.

И, пытаясь поддержать костёр, иные кидают в него гнилушки. Что такое известность драматурга в сравнении с той «славой», которую приносят разошедшиеся по стране в магнитофонных «списках» песенки с таким откровенным душком?

Справедливости ради скажем: аплодировали не все и не всюду. Одни изумленно молчали. Другие уходили из зала, не дослушав концерт. В консерватории, например, «президенту московского клуба песни», призывавшему зал петь вместе с ним сомнительную песенку, свистнули: «Пой сам!» Но кое-где аплодисменты были.

За что подносите «барду» цветы, ребята? Вдумайтесь-ка. Вот его «Баллада о прибавочной стоимости» - исповедь гнусенького типа, который «честно, не дуриком» изучал Маркса. И однажды, «забавляясь классикой», услышал по радио «своё фамилие» (сохраняю произношение писателя Галича).

Кажется, что это песня, - развенчивающая подлеца и приспособленца, который готов продать за пятак свои убеждения. Да, негодяев надо предавать позору. Но Галич сделал песенку, так сказать, «с двойным дном». Вслушайтесь в слова, какими он пользуется, с какой интонацией их произносит. И вы видите: «барду» меньше всего хочется осудить своего «героя». Он его вдохновенно воспекает.

В некоей стране Фингалии «тётя, падла Калерия» (сохраняю лексику Галича) «завещала племянничку землю и фабрику». «Почти что зам» Вовочка, чувствуя себя капиталистом, закатывает недельную пьянку в «ресторации». И вот:

Пил в субботу и пью в воскресенье,
Час посплю и опять в окосение.
Пью за родину и за неродину...

Святые слова «за Родину!» произносятся от лица омерзительного, оскотинившего пьянчуги! С этими словами ваши отцы ходили в атаки Великой Отечественной. С этими словами Зоя шла на фашистский эшафот. Не забыли Зою? Не забыли «сказочную стойкость комсомольских сердец у стен Сталинграда», о которой говорил маршал Чуйков и без которой сейчас, наверняка, не учились бы вы ни в школах, ни в университетах?!

В братской могиле, в 80 километрах на запад от Москвы, лежит тысяча дорогих моих однополчан: со словами «За Родину!» бросались они на немецкие танки, рвали и жгли их, но не пропустили к сердцу страны! Как бы они посмотрели на того, кто произносит эти слова под отрывку пьяного бездельника? И - на вас, аплодирующих?

...Вовочка, «очухавшись к понедельнику», узнаёт от теледиктора: в Фингалии - революция. Земля и заводы - национализированы. Народы Советского Союза поздравляют братский народ со славной победой. И вот несостоявшийся капиталист, так сладко воспеваемый Галичем, - в бешенстве:

Я смотрю на экран, как на рвотное!
Негодяи, кричу, лоботрясы вы!

Это о тех, кто совершил революцию, избавив свою страну от угнетателей! Это же откровенное издевательство над нашими идеями, жизненными принципами. Ведь Галич, кривляясь, издевается над самыми святыми нашими понятиями. А в зале... пусть редкие, но - аплодисменты. Вот ведь до чего доводит потеря чувства гражданственности! Да разве можно вот этак - о своей родной стране, которая поит тебя и кормит, защищает от врагов и дает тебе крылья? Это же Родина, товарищи!

Новая песня. И опять - исповедь омерзительного типа с моралью предателя, который готов изменять не только жене, не только своей чести коммуниста, но умело обманывает людей. На первый взгляд, Галич высмеивает подлеца. Но вслушайтесь в его интонации, в словарь его песни, которая, как бы в издёвку названа «Красным треугольником» (подлец, его жена - «начальница в ВЦСПС» и его «падла», которую он водит по ресторанам). И опять вместо того, чтобы освистать своего «героя», Галич делает его победителем:

Она выпила «Дюрсо», а я «перцовую»
За советскую семью образцовую...

Да, это, разумеется, нелепость: обсуждать личные отношения супругов на собрании. Но Галич - не об этом. Своим «букетом» таких песенок он как бы говорит молодёжи: смотрите-ка, вот они какие, коммунисты.

И следующим «номером» подводит молодых слушателей к определённой морали. Как бы в насмешку, он объявляет песню «Закон природы». Некий «тамбур-мажор» выводит по приказу короля свой взвод в ночной дозор. Командир взвода «в бою труслив, как заяц, но зато какой красавец». (У Галича это идеал мужчины?!) Взвод идёт по мосту. И так как солдаты шагают в ногу, мост, по законам механики, обрушивается. И поучает, тренькая на гитаре, «бард» Галич:

Повторяйте ж на дорогу не для красного словца:
Если все шагают в ногу, мост обрушивается!
Пусть каждый шагает, как хочет!

Это - уже программа, которую предлагают молодым и, увы, идейно беспомощным людям.

Смотреть на войну в кино легко и безопасно. В 1941-м вместе с друзьями-сибиряками я оборонял Москву. Вся страна защищала свою столицу! Вся Москва вышла на хмурые подмосковные поля, на московские улицы ставить противотанковые заграждения. Даже дети дежурили на крышах домов, охраняя город от немецких зажигательных бомб. Все шагали в ногу! Весь народ!

И если бы весь народ не шёл тогда в ногу, создавая в трудные годы пятилеток мощную индустрию, растя свою армию, вряд ли смогли бы мы выдержать единоборство с дьявольской силой фашизма. И вряд ли Галич распевал бы сегодня свои подленькие песенки. Ведь одной из стратегических целей Гитлера было уничтожение советской интеллигенции.

Есть высшее определение мужской честности. Мы говорим: «С этим парнем я б уверенно пошел в разведку». Так вот: Галич учит вас подводить товарища в разведке, в трудной жизненной ситуации, иными словами, пытается научить вас подлости.

«Пусть каждый шагает, как хочет» - и мы читаем в «Вечёрке», как трое окосевших «мальчиков» из Инского станкостроительного техникума ломают вагон «электрички», построенный руками советских рабочих, бросаются с кастетом на машиниста.

«Пусть каждый шагает, как хочет» - и вы бросаете во вражеском тылу раненого друга.

«Пусть каждый шагает, как хочет» - и вы предаёте любимую женщину.

«Пусть каждый шагает, как хочет» - и вы перестаете сверять свой шаг с шагом народа.

Глубоко роет «бард», предлагая в шутовском камуфляже этакую линию поведения. Мне, солдату Великой Отечественной, хочется особо резко сказать о песне Галича «Ошибка». Мне стыдно за людей, аплодировавших «барду», и за эту песню. Ведь это издевательство над памятью погибших! «Где-то под Нарвой» мертвые солдаты слышат трубу и голос:

«А ну, подымайтесь, такие-сякие, такие-сякие!» Здесь подло все: и вот это обращение к мёртвым «такие-сякие» (это, конечно же, приказ командира!), и вот эти строки:

Где полегла в сорок третьем пехота
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря...

Какой стратег нашелся через 25 лет! Легко быть стратегом на сцене, зная, что в тебя никто не запустит даже единственным тухлым яйцом (у нас не принят такой метод оценки выступлений некоторых ораторов и артистов). Галич клеветает на мертвых, а молодые люди в великолепном Доме ученых аплодируют.

Чему аплодируете, ребята и девушки? Тому, что четверть века назад погибли отцы, если не ваши, то чьи-то другие?

Он же подло врёт, этот «бард»! Да, на войне, говорят, иногда стреляют. На войне, к сожалению, гибнет много людей. Гибнут по-разному: одни в атаке, другие - в горящем самолёте, третьи - нарвавшись на мину или под вражеской бомбежкой.

Но кто, кроме Галича, возьмёт на себя смелость утверждать, что «солдаты погибли зря»? Каждый сделал своё дело, каждый отдал победе свою каплю крови. И нечего над этой святой кровью измываться.

Галичу солдат не жаль. Галичу надо посеять в молодых душах сомнение: «они погибли зря, ими командовали бездарные офицеры и генералы».

В переводе это означает: «На кой чёрт стрелять, ребята! На кой чёрт идти в атаку? Все равно - напрасно! Бросай оружие!»

Вот как оборачивается эта песенка! Не случайно «бард» избрал молодёжную аудиторию: он понимает - спой он это перед ветеранами войны, они б ему кое-что сказали.

«Бард» утверждает, что он заполняет некоторый информационный вакуум, что он объясняет молодёжи то, что ей не говорят. Нет уж, увольте от такой «информации».

И не трогайте молодых! Кто знает: не придётся ли им защищать Отечество, как нам четверть века назад? Зачем же вы их морально разоружаете?

Мне, ребята, вспоминается другое: там, под Можайском, мы отбиваем двадцатую за сутки атаку немецких танков. И комиссар нашего полка скрипит зубами:

«Какие гибнут люди! Какие ребята! Пушкины гибнут! Орлы!»

Назавтра он погиб, командуя группой пехотинцев, отражавших очередной танковый удар. Но в том бою сибиряки за день сожгли 56 немецких танков.

В том бою мне пришлось оборонять узел связи. Война полна неожиданностей. Не думал я ещё ночью, что утром на меня навалится орава фашистов. Но когда вышли патроны, я взорвал себя, блиндаж и гитлеровцев гранатой. В том бою я потерял ноги.

Но я убежден - мои командиры были героями, мои генералы были славными полководцами. Сказав, что «победа будет за нами», они, как известно, слов на ветер не бросали.

- Да что ты, - говорили мне иные из слушавших Галича. - Это здорово! Он смелый! Он - за правду!

Галич - «певец правды»? Но ведь, говорят, и правда бывает разная. У Галича она связана с явным «заходом на цель» - с явной пропагандистской задачей.

Знаем мы таких «страдальцев о российских печалях». Послушали их под Москвой по своим армейским рациям. Тогда остатки белогвардейской мрази учили нас «любить Россию», стоном стонали, расписывая «правду об ужасах большевизма», а потом откровенно советовали:

«Господа сибиряки! Бросайте оружие! Германская армия всё равно вступит в Москву!»

Не вступила! А мир увидел нашу советскую правду, трудную, порой горькую, но прекрасную правду людей, мечтающих о земле без войн, без оружия, без угнетателей, без подлости.

Поведение Галича - не смелость, а, мягко выражаясь, гражданская безответственность. Он же прекрасно понимает, какие семена бросает в юные души! Так же стоило бы назвать и поведение некоторых взрослых товарищей, которые, принимая гостей, в качестве «главного гвоздя» потчуют их плёнками Галича! И сюсюкают:

«Вот здорово! Вот режет правду!». Дело дошло до того, что кандидат исторических наук Ю.Д.Карпов иллюстрирует лекции «Социология и музыка»... песнями Галича. И утверждает:

«Это - высокое искусство!» Пусть бы наслаждался, так сказать, «персонально». Но зачем таскать блатняцкие «опусы» по городским клубам? Не совестно, Юрий Дмитриевич? Ведь вы всё-таки кандидат исторических наук. И должны помнить слова Ленина о том, что всякое ослабление позиций идеологии коммунистической немедленно используется.

Уж вам-то, как говорится, по долгу положено воспитывать молодёжь в духе коммунистической идейности, раскрывать перед ней хитрые приемы буржуазных идеологов и пропагандистов, которым ой как хочется, чтоб молодёжь наша не училась у отцов ни героизму, ни пламенному патриотизму! Согласно своим гражданским обязанностям вы должны прививать молодёжи любовь к прекрасному, а не пропагандировать в качестве «высокого искусства» мусор.

- Зажимают талант, - слышу я голоса любителей «чесать ногу», - зажимают свободу мнений! Свободу слова!

Но Галич свободно высказал своё мнение в публичных концертах. Видимо, на такую свободу имеет право один из его слушателей. Да, свобода слова! Но всякий, публично выступающий на общем ли собрании или в концерте «бардов», обязан думать о политических и гражданских мотивах своего выступления. Это - закон любого общества. «Жить в обществе, - писал Ленин, - и быть свободным от общества - нельзя».

Я сознательно ставлю слово «барды» в кавычки, не потому, что их творчество не заслуживает признания. Некоторые их песни подлинно лиричны, мужественны, они по-настоящему волнуют. Но думается, что бард, народный певец - должность серьёзная. Он выражает думы и чаяния народа.

Вспомним кобзарей, русских сказителей, тех же английских бардов. Разве позволяли они себе хулигански коверкать родной язык? Разве оскорбляли они память героев? Каждое слово народных певцов помогало народу. Большинство наших «бардов» в этом деле пока хромают на обе ноги.

Галич, человек опытный в журналистике и литературе, отлично понимает: талант - это оружие. Выступая же в роли «барда» в Новосибирске, член Союза писателей СССР, правда, прикидываясь идиотом, бил явно не туда.

Прикиньте сами, ребята: чему учит вас великовозрастный «бард»? И поспорьте, и оглянитесь вокруг, и посмотрите на клокочущий мир, где враги свободы и демократии стреляют уже не только в коммунистов, где идет непримиримая битва двух идеологий. И определите своё место в этой битве: человеку всегда нужна твёрдая жизненная позиция.

Не так уж далека пора, когда вы станете взрослыми, и на плечи каждого из вас ляжет частица ответственности за судьбы родной страны. Понемногу уходят от нас милые наши старики, наши отцы. Старееет и наше поколение победителей фашизма. Мы передадим вам нашу землю - единственную в целом свете страну, которую все мы нежно зовём матерью.

В прекрасной песне одного из ленинградских бардов поется: «Атланты держат небо на каменных руках». Вам придется держать на своих руках не только родную нашу страну - целый мир: так складывается история.

Удержите ли? Для этого нужны не только сильные руки, но и крепкие сердца. А песня, как известно, способна сделать сердце и куском студня, и слитком броневой стали...».

Николай МЕЙСАК,
член Союза журналистов СССР,
участник обороны Москвы.

Александр Городницкий «Атланты»

Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приходи,
Где без питья и хлеба,
Забытые в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.

Держать его, махину -
Не мёд со стороны.
Напряжены их спины,
Колени сведены.
Их тяжкая работа
Важней иных работ:
Из них ослабни кто-то -
И небо упадёт.

Во тьме заплачут вдовы,
Повыгорят поля,
И встанет гриб лиловый,
И кончится Земля.
А небо год от года
Всё давит тяжелей,
Дрожит оно от гуда
Ракетных кораблей.

Стоят они, ребята,
Точёные тела, -
Поставлены когда-то,
А смена не пришла.
Их свет дневной не радует,
Им ночью не до сна.
Их красоту снарядами
Уродует война.

Стоят они, навеки
Упёрши лбы в беду,
Не боги - человеки,
Привычные к труду.

И жить ещё надежде
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках. (1963)

Автором статьи специально включена полностью статья журналиста Николая Мейсака, потому что цитирование, какой-то её части, да ещё в контексте тех доносов, которые написаны были по поводу выступления Александра Галича, в ЦК КПСС и в Союз Советских Писателей, можно было бы приписать и его в качестве их инициатора.

В статье мы видим критику, творчества «бардов» человека с определёнными взглядами, которыми можно не соглашаться, но к которым хотя бы следовало прислушаться.

К тому же и ветеранов, кто действительно воевал, (а не как Булат Окуджава, который несколько месяцев «поошивался» около линии фронта), тогда ещё было много. И их впечатления, не скрою и для автора этой статьи, просто замечательной песни «Ошибка», не удивительно, что могли быть восприняты не совсем, так хотел это показать Александр Галич. Бард имел в виду новую советскую элиту, которой уже стало наплевать на тех солдат, кто ещё оставался и до сих пор остаётся там, где их сразила вражеская пуля, в наспех вырытых братских могилах. И не столько сравнило их «могилы» с поверхностью земли время, сколько не желание оставшихся в живых, смотреть на свою Родину, как на одно сплошное кладбище. И сколько было распаханных таких захоронений, вместе с траншеями, устеленными телами погибших солдат, сначала наступавшими немцами, а потом перешедшими в наступление нашими солдатами. Кто теперь скажет? Хотя желающих осуждать в чём-то воевавших, даже за их взгляды, какими бы они у них сейчас не были, на нашу жизнь, теми, кто не воевал и даже не служил в армии, обосравшись, как режиссёр Эльдар Рязанов, встать во время войны на воинский учёт, с каждым годом становится всё больше.

Надо отдать должное, барду Льву Зонову, который всё-таки признал, что Александру Галичу, «очевидно, - в такой форме нельзя было выплёскивать *на ветеранов войны* весь сгусток его проблемных, политических песен, потому что там были люди преклонного уже возраста. Многие из них прошли войну, их невозможно ни перевоспитать, ни переубедить. Да и не надо (*было*), в общем-то...», и что он «убеждён - не выступи там Александр Галич, - и с авторской песней не стали бы так бесцеремонно, *потом* обращаться власть предержащие инстанции...».

К сожалению, такие барды, как Юрий Карпов посчитали, выступление Александра Галича перед ветеранами войны, чуть ли не за мужество, если не за героизм и мало того для предмета осмеяния выбрали затем в одном из КВН не академика А.А.Трофимука, а Николая Мейсака. В начале статьи Юрия Карпова о фестивале бардов об этом было сказано так:

«...Вспомнилось, как в ходе КВН - сразу после фестиваля - в Новосибирском, университете одна команда ответила на заданный ей вопрос «Кто такой Мейсак?» цитатой из той самой статьи, содержащей официальную оценку творческой и идеологической стороны фестиваля и одну из первых публичных разборок поэзии Галича:

«Не совестно, Юрий Дмитриевич? Ведь вы все-таки кандидат исторических наук...». И тут же последствия: на Александра Аркадьевича ушёл донос в Москву, разогнали штаб-квартиру фестиваля - кафе-клуб «Под интегралом» и многое другое...».

И кто-нибудь, процитировав эти слова, будет доказывать, что Николай Мейсак, человек, который написал или подписал донос, хотя он только выразил своё мнение, с которым можно было соглашаться или нет, но, осуждая его, всё-таки надо было находиться, хотя бы в рамке элементарных приличий, учитывая его возраст и его жизненную позицию.

Именно, этого человека, который подорвал себя вместе с фашистами в блиндаже гранатой, чудом оставшегося в живых, лишившегося двух ног, только за то, что, тот, обратившись к Юрию Карпову, во время своего выступления, в частности сказал: «...»

Согласно своим гражданским обязанностям вы должны прививать молодёжи любовь к прекрасному, а не пропагандировать в качестве «высокого искусства» мусор».

Поэтому как-то не было особого желания, у организаторов фестиваля, судя по воспоминаниям его участников, вести дискуссии в интеллигентном русле, и называть вещи своими именами, считая чьи-то песни хорошими, не приводя своих, но, как Лев Зонов утверждать, что они тоже имели какой-то успех, и поэтому не могли попасть в разряд «мусора».

Автор понимает, что его статья, уже давно вышла за все разумные границы этого жанра, но всё равно, но всё равно ничего существенного сокращать не будет и приведёт из статьи Валентина Глазанова «Воспоминания о Первом фестивале самодеятельной песни в новосибирском Академгородке», по его словам, точный состав выступающих, репертуар и очередность выступлений на концерте в Доме учёных Академгородка 8 марта 1968 года:

Первое отделение:

1. Волынцев (журналист)

- 1) «Сколько бы ни пели...» (песня, сочиненная в самолёте.)

2. С. Крылов (Москва)

- 1) «Трубач»
- 2) «Лето»

3. Е. Гангаев (Москва, МГПИ)

- 1) В.Егоров «Синяя песня»
- 2) Боганов «Песня павшего солдата»

4. Ю.Третьяков (Красноярск)

- 1) «Шагают парни по Земле»
- 2) «Серьезная любовь»

5. С.Чесноков (Москва)

- 1) Д. Самойлов «Поле»
- 2) Н. Матвеева «Пожарник»

6. Н. Еремин (?)

1. Мартынов «Костер»
2. Песня противоречий

7. А Мельфер (Красноярск) - (поёт Ю.Третьяков)

- 1) Верилось в чудеса
- 2) Горы и корабли.

8. В. Глазанов

- 1) «Не молитесь на образа»
- 2) «Бесполезные мосты»

9. А. Крупн

- 1) «Следы ровесников»
- 2) «Песня об осеннем поезде»

10. А .Кучин (Севастополь)

- 1) «Ветер: что ты шляешься ветер...»

2) «Я объяснился»

11. Виктор Воронцов (Севастополь)

- 1) «Дождь в Севастополе»
- 2) В Севастополе дождь

12. Л.Зонов

- 1) «Песня о ветре»
- 2) «Пародия на Ю. Кукина»

13. В. Хайдаров (Свердловск)

- 1) Суматоха дорожная
- 2) А. Акимов «Нас трое»

14. А.Дольский

- 1) Ж. Превер «Как нарисовать птицу»
- 2) «Пародия на В.Высоцкого»
- 3) «Песня про Фантомаса»
- 4) «Женская логика (песня негритянской женщины)».

Второе отделение.

1. Ю.Лосев (Новосибирск)

- 1) (?)
- 2) «Белое и черное»

2. Л.Пинчук (Новосибирск)

- 1) С.Есенин «Вечер черные брови насупил»
- 2) Л.Хьюз (на английском языке)

3. Вяткин и Яблонский (Новосибирск)

- 1) Б. Брехт «Баллада о великом смирении»
- 2) «Лекция о международном положении» (Я чешу, чешу ногу...).

4. Э.Скворцов (Казань)

- 1) «Сентябрьская»
- 2) Детская: «Грезы»

5. Р.Гейм (Томск)

- 1) «Я уеду» (Овценов, Меркушева)
- 2) «О фонариках»

6. В.Бережков

- 1) «Пеня о старом музыканте»
- 2) «Гимн себе»

7. Б.Рысев (Москва)

- 1) «Память»
- 2) Маршак «Дом, который построил Джек»

8. С.Смирнов (Москва)

- 1) В. Гончаров «Дождь»

2) «Про Тимошу»

9. А.Галич.

- 1) «Памяти Пастернака»
- 2) «Баллада о прибавочной стоимости»
- 3) «Ошибка»

10. Ю. Кукин

- 1) «За туманом»
- 2) «Город»

«...В один из последних дней состоялась дискуссия о самодеятельной песне, где представители партийной власти высказывали много нареканий в адрес Александра Галича, а он, прикидываясь, говорил:

«Ну, что вы, ведь это я написал комсомольскую песню «До свидания, мама, не горюй», и «Физики» - тоже». Но это уже не помогало - разгром приближался.

К сожалению, мы с Юрием Кукиным должны были уехать раньше, и на закрытии фестиваля не были. Сразу по окончании о нём появились краткие заметки.

У меня сохранились вырезки из газет тех дней:

«Комсомольская Правда», 12-го марта 1968 года. «Состязание песенников. В новосибирском Академгородке несколько дней подряд состязались певцы-гитаристы. Поначалу была задумана встреча самодеятельных песенников из Москвы, Ленинграда и Новосибирска.

Но, прослышав об этом, сюда слетелись молодые композиторы-любители из Свердловска, Севастополя, Красноярска, Казани и других городов, сообщает наш корреспондент Г.Целмс.

Деталь фестиваля: десять тысяч билетов разошлись за десять часов. Концерты шли до двух часов ночи (Sic!). Один из трёх авторов понравившейся всем песни новосибирец Леонид Балясный не смог быть на концерте, так как... не достал билета».

И это о фестивале все. Кстати, о Балясном. По-моему, его не было среди авторов, я не помню такого. И вообще, участники концертов проходили не по билетам, а по специальным бумажкам-пропускам, вот один из них лежит перед моими глазами:

«Фестиваль самодеятельной песни. Оргкомитет. Глазанов В. (исполнитель). Подпись: А.Берс».

Вообще фестиваль был организован блестяще. Было много обслуживающих мальчиков, которых всех можно было называть одинаково - Женя. Так вот, эти «Жени», завидев авторов, усаживали их в зале и вообще выказывали всяческое внимание. Так что т. Г.Целмс что-то напутал.

Была ещё одна заметка - теперь уже в «Правде». Она занимает колонку строк в 30. О фестивале сказано в семи строках. Общий заголовок: «Музыкальная весна Сибири». Новосибирск, 10. (Корр. «Правды» Б.Евладов.):

«...В залах Академгородка и некоторых вузов Новосибирска в эти дни проводится своеобразный праздник самодеятельной песни. Он привлёк певцов из Москвы и Свердловска, Ленинграда и Севастополя, Новосибирска и Красноярска».

Все! Хотелось бы сказать ещё вот о чём. На фестивале велись съёмки группой Свердловской кинохроники под руководством режиссера Авета Гарибяна. В той же записной книжке мною записан его адрес и телефон.

К сожалению, в фильме «Запрещенные песенки», который не так давно был показан по телевизору и который на 30 минут смонтирован из многих метров пленки, о режиссёре, который все это снимал на фестивале, не сказано ни слова.

Чтобы восстановить справедливость, хорошо было бы более полно показать события тех дней и назвать имя автора фильма - Авет Гарибян. Где он сейчас - я не знаю, но очень хочется надеяться, что жив и здоров.

А многие, которые были там, уже далече: Александр Галич, Арик Крупп, Миша Крыжановский ушли от нас, Володя Фрумкин - дай бог ему здоровья - за океаном, и иногда по ихнему радио вещает об авторской песне.

В заключение хочу сказать, что в жизни каждого человека есть впечатления, которые - как вершины - возвышаются над суетой повседневности и долго, долго помнятся. Одной из таких вершин у меня в жизни навсегда осталась память о фестивале в Академгородке.

(22.03.1996 – выдержки из статьи Валентина Евгеньевича Глазанова взяты с сайта: ksp-msk.ru/page_383.html Москва).

Валентин Глазанов «Не молитесь на образа»

Не молитесь на образа,
Образа не живые - в них смысла нету.
Загляните вы лучше любимым в глаза
И айда колесить по белому свету.

Поезжайте на Север, в глухую тайгу,
Может ждёт вас давно
Заполярная тундра,
Прогоните печаль, пересильте тоску
И пишите весёлые письма оттуда.

Может, год вас не будет,
Мы будем вас ждать,
И наполнив стаканы
На праздничном сборе
Про себя пожелаем вам добрых удач
И в молчании выпьем за «тех, кто в море».

А затем заглянув
Вашим жёнам в глаза, и увидев там грусть,
Все согласно решим мы -
Не молитесь друзья, неживым образам,
А молитесь своим любимым...

Ну, а теперь самое время перейти к доносам и последующим «прелюдиям к репрессиям» Александра Галича. Первым отреагировал обком комсомола, направив «отчёты» о фестивале бардов, в ЦК ВЛКСМ и в ЦК КПСС 29 марта 1968 года:

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
в|-01/185с 29 марта 1968 г.

Секретно
в ЦК КПСС

Информируем ЦК КПСС о состоявшемся в Новосибирске так называемом «всесоюзном фестивале-празднике самодеятельной песни».

«Фестиваль» проходил с 7 по 12 марта и был организован без ведома партийных, советских и комсомольских органов советом самодеятельного кафе-клуба «Под интегралом» в Академгородке.

Программа «фестиваля» предусматривала массовые концерты, дискуссии «о новом жанре искусства - поэтической песне».

Организаторы и участники «фестиваля» стремились придать ему характер «всесоюзного учредительного съезда бардов» выработать положение или устав.

«Фестиваль» в Новосибирске тщательно готовился его организаторами, причём его ярко выраженный политический характер сохранился в тайне до самого открытия.

29 участников этого «учредительного съезда бардов» приехали из 9 городов: из Москвы (10 человек - Галич, Бережков, Волинцев, Чесноков и другие); из Ленинграда, Красноярска, Свердловска, Казани, Севастополя, Томска, Минска и Новосибирска.

Участников фестиваля приветствовали телеграммами Высоцкий, Ким, Анчаров, Окуджава, Матвеева.

Состав участников был весьма неоднородным, как по уровню исполнительского мастерства, так и по идейному содержанию. В большинстве своём выступления в концертах и на дискуссиях носили явно тенденциозный характер, были проникнуты духом безыдейности, аполитичности, клеветы на советскую действительность.

Об этом свидетельствует репертуар А.Галича, который содержал такие песни, как «Памяти Б.Л.Пастернака», «Баллада о прибавочной стоимости», «Ошибка», «Песня про генеральскую дочь», «Закон природы», «Про товарища Парамонову» и другие.

Жанр их по определению самого автора – «жанр пародийной песни», идейная направленность – «шагать не в ногу», их герои, как правило, руководящие работники, которых автор рисует лишь в чёрных тонах.

Так, герой песни «Баллада о прибавочной стоимости» - «марксист, почти что зам., почти что зав.», знающий марксизм «от сих до сих» по «Анти-Дюрингу» и «Капиталу», но продающий свои убеждения и Родину за богатое наследство «тётушки из страны Фингалии». Автор, обращаясь к залу, постоянно подчёркивает мысль: «Все мы такие».

В песне «Памяти Б.Л.Пастернака» звучат озлобленность и угроза: «Мы поимённо вспомним всех, кто руку поднимал...».

<<...>>

Некоторые из участников, например, Галич, Бурштейн, Фрумкин, Чесноков, в своих выступлениях акцентировали внимание слушателей на проблемах взаимоотношений между национальностями, когда, по их мнению, «выпячивается» культура одних народов и «искусственно подавляется» культурное наследие других. В частности, назывались «незаслуженно забытые» песни и мелодии из «народного еврейского» творчества, которые здесь же, на концертах, предлагалось разучить всем слушателям.

В песенном цикле «Об Александрах» Галич откровенно издевается и над интернациональной политикой нашего государства, высмеивая помощь Советского Союза народам Африки.

Судя по всему, член Московского отделения Союза писателей А.Галич (Гинзбург А.А.) претендует на роль идейного вдохновителя «бардов». И если ранее его песенное «творчество» распространялось только в магнитофонных записях, то в Новосибирске его песни зазвучали с открытой эстрады.

Перед каждым концертом, а также в дискуссиях, аудитория усиленно «обрабатывалась». Галича представляли как «замечательного поэта, известного сценариста и драматурга», сравнивали с Салтыковым-Щедриным, Зощенко и Маяковским.

Взгляды Галича разделяли и активно поддержали в ходе дискуссии В.Фрумкин, член Союза композиторов (Ленинградское отделение), А.Бурштейн, президент клуба «Под интегралом», старший научный сотрудник Института кинетики и горения СО АН СССР, старший преподаватель Новосибирского университета, Ю.Кукин, бывший тренер, с октября 1967 года нигде не работающий, обосновавшийся при самодеятельном клубе «Восход» Ленинграда.

По мнению организаторов и многих участников, собрание их в Новосибирске должно было определить место «бардов» в творчестве народа.

Они заявляли, что собраться было необходимо, так как «в нашем движении много трудностей, зигзагов, царит застой и уныние. Творчество бардов - народное искусство, народное не только по форме, но и по существу. Песни бардов - новая форма бытия поэзии. Время требует новой формы борьбы с недостатками, консерватизмом и забвением уроков прошлого».

Выступая перед аудиторией более чем в тысячу человек, С.Чесноков, преподаватель Московского инженерно-физического института, предпослал следующее вступление:

«Песня посвящается американской певице, которая, когда её спросили, почему песни бардов, исполняемые плохо поставленными голосами, с плохим музыкальным сопровождением, пользуются такой популярностью, ответила:

«Нам слишком долго вдали хорошо поставленными голосами...» И я (т.е. Чесноков) полностью присоединяюсь к её словам».

<<...>>

Стихийность, неуправляемость в этом движении, как показал «фестиваль», ведут к тому, что организующую роль в нём берут на себя люди сомнительных, а порою откровенно чуждых нам политических взглядов и убеждений. И трибуна предоставляется, в основном, не подлинно самодеятельным авторам, работающим на заводах, в геологических экспедициях, в институтах, а

полупрофессионалам или людям вроде А.Галича, которые любой ценой стремятся завоевать популярность, имя, да и немалые доходы.

Люди, претендующие на роль организаторов и вдохновителей «нового движения», постоянно ссылаются на опыт зарубежных «бардов» (битлов, хиппи и пр.). Не случайно на сборище в Новосибирске было предложено послать приветственную телеграмму от имени «съезда» всем «бардам» капиталистических стран.

Следует отметить, что организаторы фестиваля в какой-то мере отдают себе отчёт в том, на какой скользкий путь вступают.

Один из главных организаторов упомянутого «фестиваля» А.Бурштейн высказался в том смысле, что действовать надо осторожнее, потому что недавние судебные процессы над Синявским и Даниэлем, а также над «группой» Гинзбурга, вероятно, не последние и надо быть готовым ко всему.

ЦК ВЛКСМ в настоящее время принимает меры для тщательного изучения этого вопроса...

<<...>>

Информируя ЦК КПСС о сборище в Академгородке Новосибирска, ЦК ВЛКСМ считает, что тенденции в развитии так называемого «движения бардов» заслуживают внимания соответствующих государственных и общественных органов.

Секретарь ЦК ВЛКСМ /С.Павлов/ (подпись)

29 апреля 1968 года, уже обком КПСС отправляет номер газеты «Вечерний Новосибирск» со статьёй Николая Мейсака «Песня это оружие» в Правление Союза Писателей СССР в адрес секретаря правления Г.М.Маркова:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НОВОСИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

29 апреля 1968 года
г. Москва, Г-69, ул. Воровского, 52
Правление Союза писателей
т. МАРКОВУ Г.М.

В порядке информации направляем номер газеты «Вечерний Новосибирск» со статьёй «Песня это оружие», о выступлении бардов в Новосибирске.

Секретарь Обкома КПСС (М.Алфёров)

Правление Союза Советских Писателей оперативно реагирует на полученный «сигнал» 5 мая 1968 года и переправляет 7 мая 1968 года полученные материалы в Секретариат Правления Московской писательской организации:

[Вх. ССП №] 1490, 05.05.68.

[Резолюция:] Тов. Ильину В.Н. Прошу доложить Секретариату Правления Московской писательской организации. Ваше решение обязательно сообщите т-щу Алфёрову и Секретариату Правления СП СССР. [К. Воронков] 7.V.68.

В Московское отделение Союза Писателей это письмо поступило уже 8 мая 1968 года - [Вх. МО СП №] 224, 08.05.68.

В тоже время из новосибирского Института геологии и геофизики СО АН СССР, направляется коллективное письмо учёных, вл главе с академиком А.А.Трофимуком непосредственно Первому секретарю Правления Союза К.А.Федину:

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
тов. ФЕДИНУ К. А.

Глубокоуважаемый Константин Александрович!

Мы обращаемся к Вам как к представителю и активному творцу советской культуры, стоящему во главе Союза советских писателей, обеспокоенные обстоятельствами, которые, на наш взгляд, наносят урон престижу ССП в такой <же> мере, как и престижу всей советской культуры.

Вопрос об идеологической борьбе не снимается, ибо не может быть мирного сосуществования в области идеологии. При всех колоссальных успехах советского строя, экономики и культуры, в нашем обществе были и есть свои трудности, недостатки и просчёты.

Мы знаем цену и познаём причины, их породившие, но далеки от того, чтобы видеть в них органические пороки советской системы и коммунистической идеологии. Однако наши противники готовы использовать любую возможность для антисоветской пропаганды, строящейся на одностороннем освещении событий и фактов. Рассчитанная на людей мало информированных, такая пропаганда подчас достигает цели. В этой связи мы хотели обратить Ваше внимание и внимание всего ССП на следующее.

1. Из неофициальных и официальных источников (первых, к сожалению, много больше) известно, что за период с 1956 года появился ряд сочинений членов ССП, распространяемых в списках, а если и опубликованных, то впоследствии изъятых из широкого обращения из-за не совсем благовидной, попросту хулиганской или откровенно или завуалированно антисоветской их направленности.

Известны случаи передачи этих сочинений зарубежным издательствам. Известны также случаи рассмотрения подобных деяний в уголовном порядке. Мы имеем в виду события, разумеется, неравноценные, связанные с именами Дудинцева и Солженицына, Даниэля и Синявского и им подобных.

События эти обросли массой всевозможных слухов и сплетен, причём сами поименованные лица уже предстают в глазах некоторых в роли мучеников, «затравленных» борцов за «истинную демократию» и т. д.

С такой интерпретацией мы не можем согласиться. Но вместе с тем мы не можем развенчать этот ложный ореол святости соответствующими контрмерами, нашей контрпропагандой, ибо, согласитесь, для этого необходимо знание существа дел.

В борьбе за советскую культуру мы не можем пользоваться слухами и сплетнями, в чём не могут отказать себе наши противники, для которых хороши любые средства. А необходимость таких контрмер стала очевидной, и вот почему.

2. Вы знаете о новом течении в общественной жизни, которое, объективно говоря, трудно отнести к искусству в строгом понимании этого слова, но которое претендует на это определение. Речь идёт о бардизме в современном его выражении...

Сам по себе и с соответствующей ему испокон веков лирико-героической тематикой бардизм может вызвать лишь одобрение, и, разумеется, это далеко не новое и не неожиданное течение.

Нельзя отнять от него права на сатиричность. Однако любое направление в искусстве может быть гипертрофировано и стать патологическим явлением, если одна его краска начнёт резко превалировать над другой. Именно это происходит с бардизмом наших дней.

Тематика бардов разнообразна, но в этом разнообразии удивительно большое место занимают скепсис по отношению к героике нашего народа, его солдат, ирония по поводу нашей идеологии, откровенная насмешка над нашей культурой, апологетика мнимых поборников демократии, мизантропические настроения и т. п.

Выступая перед широкой аудиторией в концертах и на диспутах, такие барды нередко рекомендуются как члены ССП, подчёркивая эту свою принадлежность. Тем самым они принимаются публикой, как официальные представители ССП, пропагандирующие точку зрения ССП на те или иные события и факты.

Вы скажете, что это не так, что ССП не уполномочивал их к такого рода деятельности и не имеет ничего общего (а членские билеты ССП!) с ними. Мы в это верим. Однако почему до сих пор, несмотря на уже многолетнюю практику поборников таких направлений, Союз советских писателей хранит по всем этим поводам молчание? Что оно означает?

Ведь дело доходит (как это было на диспуте в Академгородке СО АН СССР в марте сего года) до прямого отрицания заслуг советской культуры, до пропаганды взглядов на нашу литературу, как на целиком конъюнктурную, регламентированную свыше, до распространения мнения об оппозиционном бардизме, как об истинно народном культурном течении, а о самих бардах, как о наиболее искренних, проникнутых гражданским сознанием, воспитателях и руководителях молодёжи, готовых принять на себя и политические обязательства.

3. Исполнение стихов-песен бардистами сплошь и рядом проводится с недвусмысленной акцентировкой. Одним из ярких в этом отношении примеров являются выступления одного из бардов, члена ССП А.А.Галича.

Среди его стихов-песен есть определённо хорошие и исполняемые с большим мастерством. Но в целом его репертуар производит тягостное впечатление, и мы не можем примириться ни с содержанием «произведений» Галича, ни с манерой их исполнения.

В песне «Памяти Пастернака» Галич во всеуслышание заявляет о том, что члены ССП, затравившие эту личность (а кто его травил-то, да и травили ли вообще?), и сволочи и подлецы, а Пастернак выставляется в роли «национального героя».

Разумеется, это вызывает резонанс в определённом кругу слушателей, особенно если сам Галич заранее рекомендует слушателям (как это было сделано одним из членов Союза советских композиторов - Фрумкин<ым>) в качестве «совести нашей эпохи» или «хлеба советской поэзии». Это - дешёвое афиширование ретроспективных подвижников, набирающихся мужества махать кулаками намного после драки...

Вокруг имени Галича складывается легенда. Ею пытаются или имеют явное намерение объяснить или даже оправдать его мизантропическую и оппозиционную направленность. Однако можно ли оправдать «тяжкими страданиями во времена культа личности» то откровенное презрение, с которым он бросает в лицо народу набор эпитетов из тюремно-блатного лексикона? Тому самому народу, чей хлеб жрут он и ему подобные «мученики»!

4. Не станем распространяться дальше по этому поводу. Мы полагаем, что Вам известны эти и другие примеры деятельности некоторых членов ССП - этих лжесеятелей разумного, доброго, вечного.

Настало время развенчать «мучеников» от литературы и поэзии, снять с них терновый венец, ставший тёпленькой ермолкой.

А не сами ли они украшают себя терниями в поисках популярности?

Мы не можем быть равнодушными к тому, с какой назойливостью апологеты мнимодемократической культуры и искусства заражают советский народ, его молодёжь духом неверия и сарказма.

Это можете сделать Вы, ССП, и прежде всего Вы. Этим, безусловно, займёмся и мы - представители советской науки. Нам далеко не безразличны судьбы всей советской культуры. И чтобы начать действительную пропаганду с расчётом на полный успех, мы должны располагать объективной официальной информацией, касающейся вопросов и дел, затронутых нами. Совершенно очевидно, что эта информация должна изойти из Союза советских писателей и стать достоянием (в открытой или закрытой форме) лиц и организаций, деятельность которых связана с задачами идеологического воспитания. Мы надеемся получить такую информацию от Вас.

С искренним уважением

Г.С.Залетаев (ст. инженер), Ф.П.Кренделёв (ст. науч. сотр.)
И.В.Луцицкий (доктор наук), А.А.Трофимук (академик), Л.В.Фирсов (ст. науч. сотр.)
Институт геологии и геофизики СО АН СССР, г. Новосибирск – 90

20 мая 1968 года состоялось заседание Правления Московского отделения Союза Писателей СССР, на котором в частности были рассмотрены поступившие на Александра Галича, якобы компрометирующие его и в его лице всех советских писателей, материалы:

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СТЕНОГРАММА
ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ
МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СП СССР
20 мая 1968 года

Повестка дня:

Выдвижение работ на Государственные премии РСФСР 1968 года — 1 стр.

Рассмотрение заявления Кружкова — 26 стр.

О составе редколлегии журнала «Москва» — 27 стр.

О составе редколлегии сборника московских прозаиков — 28 стр.

О заявлениях, пересланных СП РСФСР в Московскую писательскую организацию — 30 стр.

Персональные дела — 37 стр.

Стенографистки: А.Ляндау, Д.Розенберг

<...>

С. В. МИХАЛКОВ (1-й секретарь правления Московской организации СП РСФСР):
Переходим к персональным делам.

В. Н. ИЛЬИН

Из Новосибирского обкома партии на имя Г.М.Маркова в порядке информации был направлен номер газеты «Вечерний Новосибирск» со статьёй «Песня - это оружие» (о выступлении бардов в Новосибирске).

В этой статье, написанной фронтовиком-журналистом Мейсаком, подвергается очень основательной и серьёзной критике выступление на этом вечере-соревновании бардов А.Галича.

Надо сказать, что статья настолько большая, что у меня не хватит голоса её прочесть. Она содержит серьёзный упрёк, суть которого сводится к тому, что А.Галича обвиняют и в пошлости, которая граничит, по существу, с клеветой на наше прошлое периода Отечественной войны, и в том, что он воспекает различных подонков, засоряет наш язык блатной терминологией, и т. д., и т. п.

Кроме этого, имеется ещё письмо, которое было прислано в адрес К.Федина от ряда научных работников Института геологии и геофизики Академии наук в Новосибирске, подписанного ст. инженером Залетаевым, Кренделёвым, доктором наук Лучицким, ст. научным работником Фирсовым, академиком Трофимуксом. В этом письме также излагаются претензии к Галичу по поводу его выступления в этом клубе и по поводу его отношения к теме. В частности, они пишут: (читает).

Я пригласил А.Галича и попросил его дать объяснение по существу фактов, изложенных как в газете, так и в письме научных работников Сибирского отделения Академии наук.

Надо сказать, что Мейсак произнёс очень злые слова, и его полемика носит ожесточённый характер.

А.А.ГАЛИЧ - читает объяснение, присланное им в Правление Московской писательской организации.):

В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ
МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ССП

Уважаемые товарищи!

В газете «Вечерний Новосибирск» от восемнадцатого апреля с. г. появилась статья журналиста Н.Мейсака под названием «Песня - это оружие», а спустя некоторое время в Союз писателей на имя К.А.Федина пришло письмо от семи сотрудников Института геофизики Академгородка, в котором, так же, как и в статье Н.Мейсака, резко осуждается моё выступление на закрытом концерте в Академгородке, в Доме учёных.

Оставляя в стороне тон и манеру, с которой в этих документах разбираются мои песни, я хотел бы сообщить Вам следующее.

За пять лет работы, за которые мною написаны две «Книги песен», публично я выступал всего несколько раз, причём два раза в Союзе писателей на вечере «Встреча друзей» и на юбилее Н.С.Атарова, один раз в Институте физических проблем на вечере, посвящённом шестидесятилетию академика Л.Ландау (по его личной просьбе), и на закрытом вечере в Академгородке Новосибирска в Доме учёных.

Я не принимал многочисленных ежедневных предложений выступать в разных институтских клубах и аудиториях - и не потому, что я считаю свои песни какими-нибудь «крамольными», а потому, что, во-первых, я не артист, не исполнитель, а во-вторых, работаю в очень сложном и спорном жанре публицистической сатиры, где малейшая неточность восприятия или ошибка в исполнении могут привести к искажению всего произведения в целом.

В Академгородок Новосибирска я был приглашён с ведома комсомольских и партийных организаций (Советский РК ВЛКСМ и КПСС), приглашён на давно подготовляемый «праздник песни», в числе большой группы сочинителей и исполнителей так называемой «авторской песни» - из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Минска, Новосибирска, Севастополя.

Но и здесь я сразу же поставил условием, что выступлю только на закрытом концерте в Доме учёных, и не буду принимать участие в концертах на открытых площадках. Правда, по просьбе Новосибирского обкома КПСС я выступил ещё и на общем заключительном вечере всё в том же Доме учёных.

Очевидно, это было моей ошибкой. Товарищи из Института геофизики и журналист Н.Мейсак в статье «Песня - это оружие» обвиняют меня во всех смертных грехах, вплоть до антисоветской агитации и призыв<ов> к предательству, пользуясь в своей аргументации наивным приёмом, когда речь сатирического, высмеиваемого мною персонажа (а песни мои, повторяю, в основном резко-сатирические) выдаётся за речь и мысли автора и когда из контекста песни выхватываются одна или две искажённых строчки, по которым легко составить ложное представление обо всей песне.

Впрочем, Н.Мейсак, особенно грешащий неточностями в цитатах, пользовался, очевидно, очень плохой магнитофонной записью.

Кстати, все решительно песни, исполнявшиеся мною на концерте в Доме учёных, входят в сборник (однотомник) моих произведений, сданный мною ещё осенью прошлого года в издательство «Искусство».

Я допускаю, что в целом ряде своих песен я оказываюсь небрежен и недостаточно точен в формулировках, применяю порою излишние вульгаризмы и грубости - что (особенно на слух) позволяет истолковать содержание и смысл моих песен превратно.

Здесь, разумеется, необходима перед опубликованием ещё очень и очень серьёзная и кропотливая авторская работа - и вынесение произведений, ещё не завершённых, на суд широкого слушателя было также, бесспорно, моей ошибкой.

Что же касается туманных намёков авторов письма на мою якобы ущемлённость и «трагическое прошлое» - то здесь они пользуются уже откровенно ложными обывательскими слухами.

С 1955 года я член Союза советских писателей, с 1957 года член Союза кинематографистов. По моим сценариям поставлено десять полнометражных художественных фильмов, мои пьесы шли во многих театрах Советского Союза и стран народной демократии, мои песни едва ли не еженедельно исполняются в кино и по радио, а когда я несколько раз тяжело болел - Союз писателей всегда оказывал мне самую активную и доброжелательную помощь.

Изображать из меня этакое «униженного и оскорблённого», как это делают авторы письма - это значит, вольно или невольно играть на руку нашим недругам, всегда готовым взять на вооружение этакое «трагическое» измышления.

Я прошу поверить, что в своей литературной работе - и в кино, и в театре, и в песне - я всегда руководствовался единственным стремлением - быть полезным нашей советской литературе, нашему советскому обществу.

С уважением, Александр Галич
20 мая 1968 года.

Л.А.КАССИЛЬ:

Сколько было народу на этом вечере?

А.А.ГАЛИЧ:

Народу было много, это очень большой зал.

Я просто считал нескромным с моей стороны приложить к этому объяснению письмо от председателя Совета Дома учёных чл.-корр. АН СССР Ляпунова, в котором он благодарит меня за моё выступление от имени общественности в Доме учёных в Новосибирске.

Я об этом сейчас говорю только для того, чтобы не было впечатления, что это единственный голос общественности.

Примечание автора статьи. 26 марта 1968 года Александр Галич получил письмо подписано председателем коллегии Дома учёных СО АН СССР, членом-корреспондентом Академии наук СССР А. Ляпуновым и директором картинной галереи СО АН СССР М. Макаренко:

«Глубокоуважаемый Александр Аркадьевич! От имени общественности Дома Учёных и картинной галереи Новосибирского научного центра выражаем Вам глубокую признательность за Ваше патристическое, высоко гражданственное искусство.

Сегодня, когда каждый несёт свою долю ответственности за судьбу революции в нашей стране, обнаженное и сатирическое бичевание ещё имеющихся недостатков - священный долг каждого деятеля советского искусства.

Награждение Вас Почётной грамотой и специальным призом - копией пера великого А.С.Пушкина - дань нашего уважения Вашему таланту и Вашему мужеству, Вашему правдолюбию и непримиримости, Вашей верности Советской Родине. Наше прогрессивное, развивающееся государство не боится мысли, анализа, критики - наоборот, в этом наша сила».

Б.А.ГАЛИН:

Через сколько времени после выступления это было опубликовано?

А.А.ГАЛИЧ:

Через три месяца.

И.З.ВЕРГАСОВ:

По-моему, тов. Галич сам признаёт, что некоторые недомолвки, неточности, неточные фразы позволяют по-разному судить, и, по-видимому, это не даёт ему права выступать на общественных сценах. Он должен уточнить это всё и давать материал, который не вызовет никаких кривотолков. Он правильно поступает, отказываясь от таких выступлений.

А в общем, надо знать весь концерт, чтобы судить о его звучании.

М.Н.АЛЕКСЕЕВ:

Когда тов. Галич читал своё письмо, там несколько раз делается упор на то, что он соглашался только на закрытом собрании выступать, а не на открытом. Я это понимаю так, что вы заранее допускали возможность неточного истолкования ваших стихов.

А.А.ГАЛИЧ:

Да, допускал, поэтому я и отказываюсь от таких выступлений.

М.Н.АЛЕКСЕЕВ:

Значит, ваши стихи заведомо рассчитаны на аудиторию очень искушённую, а в научном городке она оказалась недостаточно компетентной?

А.А. ГАЛИЧ

Просто дело в том, что, когда я туда ехал, мне звонили из Советского райкома КПСС и предупредили, что я буду выступать на закрытом вечере. Я сказал, что на закрытом вечере выступлю с удовольствием. Меня просили быть членом жюри этого фестиваля, как старшего товарища по сравнению с молодыми ребятами, которые там выступали.

Но когда я увидел этот зал, то вообще было бы правильней отказаться выступать, но это было уже невозможно, поскольку я был объявлен. Когда я увидел аудиторию почти в три тысячи человек, я был несколько ошарашен, хотя бы просто из-за своих голосовых данных.

В.Н.ИЛЬИН:

Как называется клуб, который организовал этот вечер?

А.А.ГАЛИЧ:

«Под интегралом».

В.Н.ИЛЬИН:

Его уже ликвидировали.

А.А.ГАЛИЧ:

Его не ликвидировали, а реорганизовали под другим названием.

Л.А.КАССИЛЬ:

Мы знаем Галича как талантливого, великолепного сценариста, драматурга, и смешно его изображать обиженным, потому что он полноправный член нашей творческой семьи, хорошо себя зарекомендовавший.

Я знаю его стихи, весёлые в кругу семьи, стихи, которые он исполнил на вечере Атарова. Конечно, есть жанр застольного характера. И я не думаю, чтобы Галич, человек взыскательный, хорошего вкуса, считал, что это его серьёзная стезя.

Конечно, это его поэтическое хобби. Когда он выступает здесь в каминном зале - это одно, но когда он выходит на аудиторию в три тысячи человек, с гитарой, то это грубейшая ошибка, и мне это очень жаль.

Я знаю Галича с пионерского школьного возраста и очень ценю всё, что я вижу на сцене и в театре, поставленно<е> по его сценариям.

Мы можем рассказать анекдот, присказку за столом, но нельзя же это делать на стадионе «Динамо»! Конечно, его ошибка была в том, что им не была учтена аудитория. Можно было выступить в кругу профессуры, но не на такой большой аудитории.

Его песни носят сатирический характер, там есть и блатные словечки. Всё это не серьёзно. Но как только аудитория примет это всерьёз - это получит другую окраску, и поэтому ни в коем случае нельзя с этим выходить на большую аудиторию.

В.П.ТЕЛЬПУГОВ:

У меня тоже такое ощущение, что у Галича нет чувства аудитории. Можно написать статью для девятимиллионного тиража и завтра написать для товарищеского капустника. И эту вещь смешно и нелепо нести в центральный орган нашей партии, в правительственный официоз или даже в «Вечернюю Москву».

Вы ссылались на то, что некоторые ваши вещи апробированы даже в писательской аудитории и называли здесь вечер Атарова. Я не был на этом вечере, но рассказывали товарищи, что девочки девяти-десятиклассницы в белых передничках были шокированы, когда услышали некоторые строчки из ваших песен.

Я это не в упрёк говорю - могут быть и такие написаны песни, для узкого круга, но зачем это тащить на широкий слушательский форум? Это непростительно взрослому человеку, а человеку, носящему в кармане членскую книжку Союза писателей - тем более.

Я знаю Мейсака, который в полемике может нагородить чёрт знает что, но у него есть и правильные замечания в ваш адрес, и не надо делать вид, что всё это напраслина и что если на всё это смотреть не воспалённым, а спокойным взглядом, то это не произведёт такого впечатления, как произвело на Мейсака.

А сейчас, когда вырастает чувство ответственности за то, что выходит из под нашего пера, особенно надо подумать и всё взвесить. Я бы просто рекомендовал А.Галичу не с каждой вещичкой идти в самую большую аудиторию. Иначе это не совсем может быть правильно воспринято. А главное даже не в вас, а в том, что вы - член Московской писательской организации и нам придется вместе с вами нести за это ответственность.

В.С.РОЗОВ

Я никогда не мог бы сказать и не скажу о Галиче ничего, кроме хорошего. Я знаю его, как драматурга, как соседа по дому, как кинодраматурга. Это серьёзный литератор и в высшей степени порядочный человек.

Бывает так - выступаешь где-нибудь и боишься: вдруг тебя истолкуют не так, и иногда истолковывают. Наша аудитория разнородна, и, конечно, с такими вещами, которые рассчитаны на определённый круг, можно выступать только в определённом кругу.

В Доме учителя я о молодёжи могу говорить одно, в другом месте другое. С моим пятнадцатилетним сыном я говорю одно, а с восьмилетней дочкой - другое. Так и здесь.

К сожалению, иногда нарываешься на встающего в зале человека, он говорит твоими словами, но ничего общего эти слова не имели с тем, как они у него преломились в сознании. И он напишет на тебя письмо, и будет добиваться справедливости.

Наша профессия крайне опасная и становится всё опасней со всех сторон. На меня, например, была подана жалоба Министром рыбной промышленности за то, что в пьесе «В добрый час» была фраза: «Иди куда хочешь, хоть в Рыбный». И в жалобе было сказано: зачем оскорблять Рыбный институт, который дал столько-то учёных и т. д.

Оттенок и элемент этого есть и у вас, только здесь получилось более страшно, и более граждански для вас непонятно. Вероятно, нужен очень строгий отбор.

Я говорил на коллегии Министерства культуры: ради бога, перестаньте писать о писателях плохо в газетах; когда вы пишете, что я, Михалков или ещё кто-то лежал в канаве пьяный, то говорят, что все писатели пьяницы.

Если рабочий валялся в канаве, никто не скажет, что весь рабочий класс - пьяницы. А вокруг нас какая-то собирательность, и мы должны быть чрезвычайно щепетильны.

И здесь случился какой-то просчёт, - конечно, не по ухарству, не по браваде. Просто вы просчитались, и это надо принять вам к сведению. Нам опасно просчитываться.

С.С.НАРОВЧАТОВ

Я принадлежу к числу редких людей, которые совершенно не знают песен Галича. Я не слышал ни одной. Я знаю Галича как драматурга, как киносценариста и совершенно не знаю как поэта.

Должен сказать, что это относится ко всему жанру, за исключением Б.Окуджавы и Н.Матвеевой, которые сперва печатают тексты, на которые они поют свои песни.

Этот жанр совершенно ускользает из-под какого-либо - я не говорю общественного контроля, но просто из-под контроля вкуса. Отдельные песенки, которые приходилось слышать на досуге в Коктебеле, всегда поражали страшно низким уровнем словесной фактуры и плохим вкусом. Это искусство третьего ряда, если это вообще можно назвать искусством. Такое же отношение у подавляющего большинства наших поэтов к этому жанру.

Я очень хорошо отношусь к Булату Окуджаве и, считаю его талантливым поэтом, и его поэзию знаю хорошо. Мне приходилось выступать вместе с ним, ездить в заграничные командировки.

Я знаю, что Окуджава, наученный горьким опытом, чрезвычайно осторожно подходит к выбору тех произведений, которые он исполняет перед той или иной аудиторией.

Он всегда ходит по кулуарам, смотрит, что за публика, он расспрашивает, кто пришёл, он советуется с товарищами, которые находятся рядом с ним. И сейчас у него этих публичных срывов просто нет.

Здесь верно говорили об ошибочном вынесении на широкую аудиторию вещей, не прошедших ни читательского, ни общественного, ни вкусового контроля.

Вы - член Союза писателей, уже немолодой человек, вы в одном лице представляете и автора и исполнителя и цензора. И если исполнитель и автор, может быть, счастливо сочетаются в вашем лице, то вряд ли сочетаются редактор и цензор.

А, судя по этой статье, на которую я опираться не хочу, потому что здесь явные передержки, вам же предъявляются политические обвинения. А это уже не шутка, особенно в той тревожной обстановке, в которой мы сейчас находимся. Это должно вам послужить уроком.

Вы должны смотреть на это и с политической стороны, а не только, как на остроумную вещицу, которую бесспорно поймут ваши товарищи, даже сравнительно узкий круг, но которая будет полным диссонансом в аудитории, не знающей вашего настроения. Поэтому я хотел бы нацелить на политическую подоплёку этой статьи.

Б.Н.ИЛЬИН

Вопрос сам по себе ясен, а что касается личности Александра Аркадьевича, то мы достаточно хорошо знаем А.Галича, как драматурга. И тем досаднее эти срывы, которые вы иногда позволяете себе в ваших публичных выступлениях с таким репертуаром.

Абсолютно прав С.С.Наровчатов, когда говорил, что этих качеств редактора и цензора у вас явно не хватает для того, чтобы вовремя внести соответствующие коррективы, сориентироваться на определённую аудиторию, примерно зная, кому и что вы будете петь.

Как бы ни резко писал Мейсак, факт остаётся фактом, что человек потерял две ноги при защите командного пункта связи во время Отечественной войны и ему очень неприятно слышать такие вещи. Вот что пишет Мейсак:

«Мне, солдату Великой Отечественной войны, хочется особо резко сказать о песне Галича «Ошибка». Мне стыдно за людей, аплодировавших «барду» и за эту песню. Ведь это издевательство над памятью погибших! «Где-то под Нарвой» мёртвые солдаты слышат трубу и голос: «А ну, подымайтесь, такие-сякие, такие-сякие». Здесь подло всё: и вот это обращение к мёртвым «такие-сякие» (это, конечно же, приказ командира!), и вот эти строки:

Где полегла в сорок третьем пехота
Без толка, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря...

Конечно, это может оскорбить, чей угодно слух.

(Реплика - М.Н.АЛЕКСЕЕВ: Только ли слух?)

Кроме того, вы поймите, Александр Аркадьевич, вы москвич, и вы, так сказать, эталон качества на любой трибуне, на любом собрании. О каком же эталоне можно говорить, когда на такой аудитории вы выступаете с таким репертуаром, от которого иногда першит в горле даже в нашей писательской аудитории.

Я слышал о вас много разговоров, но впервые услышал на вечере. Всё было, можно сказать, ладно, но потом вас понесло, и вы эту «Песенку о прибавочной стоимости» пустили с этими прилагательными. И это сразу как хлыстом ударило по нервам и настроению публики.

Вы же очень тонкий и интеллигентный человек. Как же вам изменяет чувство такта, чувство меры. Вы художник, вы должны сами понимать, где тот предел художественного допущения, которым вы можете оперировать. И сейчас мы вынуждены - простите, но это так, - краснеть за вас перед общественностью Новосибирска, перед Новосибирским обкомом партии, краснеть перед нашим Союзом, который просит нас разобраться в этом деле.

А ведь так легко вам избавиться от этих ваших просчётов и огрехов. Только чуть-чуть побольше требовательности, побольше учёта реальной обстановки и среды, в которой вы выступаете.

Мне кажется, что А.А.Галич должен всё-таки понять, что он всем нам причинил достаточно много огорчений, и я надеюсь, что он сделает для себя решительные выводы в этом плане.

Потому что нельзя путать манеру камерного исполнения в кругу интимных друзей с исполнением в широкой аудитории.

Вы вспомните начало 30-х годов, и песенку Утёсова «С одесского кичмана бежали два уркана». Ведь это было порождением определённой обстановки небольшого отрезка времени в нашей истории, и Утёсов вынужден был отказаться от этой вещи.

А вы на протяжении длительного времени никак не можете себя в этом отношении ограничить. Обидно за вас.

С.С.НАРОВЧАТОВ:

Вы, конечно, не можете отвечать за Фрумкина, но всё-таки имейте в виду на дальнейшее, что надо одёргивать своих друзей от излишних гипербол. Когда вас объявляют «совестью эпохи», это сразу людей настораживает и раздражает.

М.П.АЛЕКСЕЕВ:

Меня несколько смущает, что все ораторы, так или иначе убеждённые в том, что вы допустили ошибку, упор делают всё время на аудиторию: аудитория не та; если бы была иная аудитория, то всё было бы в порядке.

А я думаю, что изменилось бы, если бы была другая аудитория и читали бы такие стихи, что матом поднимали солдат в атаку, - но матом их не воскресишь.

Какую аудиторию это устроило бы - я не понимаю. Дело в том, что есть слова и понятия, которые действительно святы, и острить по поводу которых противопоказано. Вот в чём, по-моему, главная ваша ошибка.

С.В.МИХАЛКОВ

Так как все уже высказались, разрешите мне всё это заключить.

Не заподозрите меня, что я к вам отношусь иначе, чем раньше. Всегда относился с уважением к вашему труду как к писателю, сценаристу, драматургу и вообще как к талантливому человеку.

Но одно дело, когда пишет блатные песенки Высоцкий - он не член Союза писателей, он артист (это в том же жанре, что и у вас), и всё это записывается на магнитофонную ленту.

Спекулянты платят бешеные деньги (я слышал это в частной компании), но в то же время он пишет хорошие песенки для кинофильмов весьма квалифицированно.

То, что он пишет для смеха, для хохмы - одни люди понимают, как хохму, а другие, как воровские песни с интересными сюжетами.

Но другое дело, когда это делает интеллигентный человек, член Союза писателей. Мне очень противно всё это здесь разбирать. Мне бы так не хотелось ни этой статьи, ни этого письма разбирать, но... приходится.

Вот в чём ваша ошибка. Вы обвиняете Мейсака за тон и манеру, с которой он раскритиковал, зло и не без основания, ваше выступление.

Но я именно хочу сказать, что тон и манера вашего исполнения значительно серьёзнее должны быть подвергнуты обсуждению. Тон и манера — они делают погоду.

Я слышал ваше выступление на вечере Атарова, и я сидел и думал: дать реплику? Нет, воздержусь, потом, может быть, скажу лично.

Со стороны это было ужасно. Ваши же друзья, которые вас подзадоривают, в беде вам руку не подадут. У нас есть такие, которые Свирского почти загубили. Когда Свирский тянет руку выступать, кричат: дать ему слово, продолжить... Всё это для потехи, сукины дети, паразиты и прохвосты!

Вы поберегите себя. Вот этот вечер - как это выглядит со стороны? Взрослый, уже пожилой человек, полулысый, с усами, с гитарой, выходит на сцену и начинает петь. Да, это талантливо! Но это стилёк с душком, с политическим душком.

Он воспринимается, как политический душок, даже если вы его и не вкладываете. Вы пишете песни от имени обывателя, сукина сына и мещанина. Но когда вы подаёте это слушателю, то забываешь о том, что ты должен критиковать этого мещанина и смеяться над этим обывателем, и только слышишь остроумно подобранные слова по поводу Карла Маркса, «Капитала» и прибавочной стоимости.

Звучит это ужасно, и вы, одарённый человек, этого не чувствуете, вы потеряли политический такт. Я бы на вашем месте, увидев трёхтысячную аудиторию, подумал: не буду выступать.

Вы потеряли чувство политического такта в очень сложной обстановке, когда на писателей вообще смотрят пристально, к писателю сейчас присматриваются через лупу - с этими подписчиками, с этими паразитами, которые провоцируют честных людей на подписи, когда Паустовскому дают подписывать то, чего не было, а потом получается то, что было. На такие вещи мы должны реагировать.

Если бы вы сидели на этом месте, вы бы тоже реагировали и сказали: «Как ни неприятно, тов. Михалков, но мы должны разобраться, почему вы вышли в полупьяном виде на эстраду и допустили такую басню - о советской власти или ещё о чём-то».

Есть поэзия застольная, есть подпольная. Нельзя назвать ваш жанр подпольным, потому что он выходит на широкую аудиторию, но то, что он застольный - это факт. Причём знаете, в каком кругу?

Я бы ещё посмотрел, кто сидит за столом, и не спел бы, потому что - соберут ваши песни, издадут, дадут предисловие, и вам будет так нехорошо, что вы схватите четвёртый инфаркт.

А вы знаете, что они так хотели бы всё это получить и издать! И потом вы будете объяснять: «Я не думал, что так получится».

Поэтому от имени Секретариата, относясь к вам с уважением, любя вас как хорошего писателя, мы должны вас строго предупредить, чтобы вы себе дали зарок.

Не портите себе биографию. Вы не знаете, кто сидит в зале, - не ублажайте вы всякую сволочь.

Вот Атаров сидел, ваш друг, но если бы он был настоящим другом, да политически ответственным, я бы на его месте сказал: «Знаешь, не надо, сидит двести разных людей, не пой. Придём домой, за стол сядем, тогда споешь».

В этих ваших вещах блатной жаргон, а душок-то получается политический, - как вы не крутите, а политический. Бросьте, не надо, это вам не к лицу, вам, талантливому писателю.

Я думаю, будем заканчивать.

Л.А.КАССИЛЬ

Надо принять какое-то решение?

Я думаю, мы примем решение - предупредить А.А.Галича. Нет возражений? (Принимается единогласно.)

А.А.ГАЛИЧ

Я принимаю все высказывания товарищей и рассматриваю их как высказывания дружеские. Иначе я рассматривать не могу. Но, как ни странно, я хочу сказать о другом. И уже обращался по этому поводу.

Получилось так, что я в течение целого ряда лет несу большую общественную работу по Союзу кинематографистов, но я вне общественной жизни Союза писателей. Скажем, мне известно, что бывает целый ряд поездок наших писателей по стране, поездок редакционных, консультационных.

Это дело, которым я очень люблю заниматься. Например, будет поездка в Азербайджан. Я жил там, я знаю эту республику. Я прошу учесть Секретариат мою просьбу и желание этим заниматься. Вроде я умею это делать. Я даже занимался Луговским, который посвятил в связи с этим мне свою поэму «Дербент».

ПРОТОКОЛ № 10

закрытого заседания Секретариата
Правления Московской писательской организации
20 мая 1968 года

Присутствовали — Секретари Правления - т.т. Алексеев М.Н., Галин Б.А., Кассиль Л.А., Михалков С. В., Наровчатов С.С., Росляков В.П., Розов В. С., Ильин В. Н.

Парторг МГК КПСС - тов. Тельпугов В. П.

От парткома МО СП РСФСР - т.т. Вергасов И.З., Корольков Ю.М., Смольников А.С.

От МГК КПСС - тов. Ануров В.С.

Председательствует - т. С.В.Михалков

СЛУШАЛИ:

1. О статье, опубликованной в газете «Вечерний Новосибирск» от 18 апреля 1968 года, и письме группы учёных Института геологии и геофизики СО АН СССР на имя председателя Правления СП СССР тов. К.А.Федина по поводу выступления члена СП тов. А.А.Галича в клубе «Интеграл».

(тов. Ильин В. Н.)

В обсуждении приняли участие: т.т. Кассиль Л.А., Галин Б.А., Тельпугов В.П., Розов В.С., Наровчатов С.С., Алексеев М.Н., Ильин В.Н., Михалков С. В.

ПОСТАНОВИЛИ:

Ознакомившись со статьёй в газете «Вечерний Новосибирск» и письмом группы учёных, а, также заслушав объяснения члена СП тов. Галича А. А., Секретариат Правления МО СП РСФСР считает, необходимым отметить отсутствие у тов. Галича А.А. должной требовательности и политического такта при выборе песенного репертуара для публичных выступлений.

Секретариат также отмечает, что нарекания на идейно-политическую ущербность исполняемых им отдельных песен имели место и ранее, но, как видно, должных выводов для себя тов. Галич не сделал, о чём свидетельствуют статья и письмо группы учёных.

На основании вышеизложенного Секретариат считает нужным строго предупредить тов. Галича А. А. и обязать его более требовательно подходить к отбору произведений, намечаемых им для публичных исполнений, имея при этом в виду их художественную и идейно-политическую направленность.

<...>

Председатель - С. В. МИХАЛКОВ

Подготовила к печати все вышеуказанные документы по поводу выступления Александра Галича на Первом фестивале бардов в Новосибирске, направленные в адрес Правление Союза Писателей СССР и прокомментировала их ниже А.Е.Крылова:

«Как видно из публикуемых материалов, на этот раз Секретариат лишь «по-дружески» пожурил Галича за то, что тот спел свои песенки не там и не тому, кто имел право их слышать.

К автору знаменитой комсомольской песни и фильма «Государственный преступник» отнеслись как к «своему».

Это ярчайшее проявление двойного стандарта, думается, напрямую зависело от директивы, опущенной «сверху»; сыграло свою роль и то, что вторым вопросом в том же пункте повестки дня разбиралось поведение «подписантов», пытавшихся защитить участников так называемого дела Галанскова–Гинзбурга–Добровольского. На их фоне в тот момент поведение Галича решили мягко оценить как ошибочное».

Через три с половиной года от «руководящей и направляющей» поступит другая команда — и те же писательские функционеры за те же самые песни исключат Галича из своих рядов...».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО СЕКРЕТАРИАТА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА

Протокол в|-10 от 20 мая 1968 года

СЛУШАЛИ:

1. О статье, опубликованной в газете «Вечерний Новосибирск» от 18 апреля 1968 года, и письме группы учёных Института геологии и геофизики СО АН СССР на имя председателя Правления СП СССР тов. К.А.Федина по поводу выступления члена СП тов. А.А.Галича в клубе «Интеграл».

(тов. Ильин В. Н.)

В обсуждении приняли участие: т.т. Кассиль Л.А., Галин Б.А., Тельпугов В.П., Розов В.С., Наровчатов С.С., Алексеев М.Н., Ильин В.Н., Михалков С В.

ПОСТАНОВИЛИ:

Ознакомившись со статьёй в газете «Вечерний Новосибирск» и письмом группы учёных, а, также заслушав объяснения члена СП тов. Галича А. А., Секретариат Правления МО СП РСФСР считает, необходимым отметить отсутствие у тов. Галича А.А. должной требовательности и политического такта при выборе песенного репертуара для публичных выступлений.

Секретариат также отмечает, что нарекания на идейно-политическую ущербность исполняемых им отдельных песен имели место и ранее, но, как видно, должных выводов для себя тов. Галич не сделал, о чём свидетельствуют статья и письмо группы учёных.

На основании вышеизложенного Секретариат считает нужным строго предупредить тов. Галича А. А. и обязать его более требовательно подходить к отбору произведений, намечаемых им для

публичных исполнений, имея при этом в виду их художественную и идейно-политическую направленность.

<...>

2. За политическую безответственность, выразившуюся в подписании заявлений и писем в различные адреса, по своей форме и содержанию дискредитирующих правопорядки и авторитет советских судебных органов, а также за игнорирование факта использования этих документов буржуазной пропагандой в целях, враждебных Советскому Союзу и советской литературе, - объявить: строгий выговор с занесением в личное дело - Галичу А.А.

Приведённые выше, выдержки из материалов и документы о Первом фестивале бардов в Новосибирске, опубликованные на сайте <http://shanson-e.tk/forum/showthread.php?t=113917>, отредактированы автором статьи.

Из книги Федора Раззакова «Звездные трагедии: загадки, судьбы и гибели» (М., Язуа, 2005) можно узнать, как сложилась дальнейшая трагическая судьба Александра Галича:

«...В августе того же года, потрясенный вводом советских войск (*некорректная авторская формулировка события - на самом деле был ввод войск стран участников Организации Варшавского Договора: СССР, НРБ, ГДР и ПНР*) в Чехословакию, он пишет не менее «крамольную» вещь, чем «Памяти Пастернака», - «Петербургский романс (*ввод произошёл в ночь на 21 августа, а стихотворение датировано 22 августа 1968 года*).

Но на этот раз «звонок» прозвучал гораздо ближе - под боком у Галича. Его вызвали на секретариат Союза писателей и сделали первое серьезное предупреждение: мол, внимательнее отнеситесь к своему репертуару.

Кислород ему тогда еще не перекрывали. В те дни Галич был завален работой: вместе с Марком Донским писал сценарий о Шалапине, с Яковом Сегелем выпускал в свет фильм «Самый последний выстрел», готовился к съемкам на телевидении мюзикла «Я умею делать чудеса».

Однако параллельно с этим Галич продолжает писать песни. И хотя жена чуть ли не требует от него быть благоразумнее, на какое-то время прекратить выступления, Галич не может остановиться.

Для него, человека пьющего (позднее в столичной тусовке будут ходить слухи и о наркотической зависимости Галича), домашние застолья - единственный способ хоть как-то разрядиться.

Видимо, понимая это и устав бороться, жена просит его не позволять записывать себя на магнитофон. Галич даёт такое слово, но и это обещание не держит. Магнитофонные записи с домашних концертов Галича продолжают распространяться по стране. Одна из этих записей становится для Галича роковой.

В начале 70-х дочь члена Политбюро Дмитрия Полянского вышла замуж за актера Театра на Таганке Ивана Дыховичного. После шумного застолья молодежь, естественно, стала развлекаться - сначала танцевать, затем слушать магнитиздат: Высоцкого, Галича.

В какой-то из моментов к молодежной компании внезапно присоединился и отец невесты. До этого, как ни странно, он никогда не слышал песен Галича, а тут послушал... и возмутился.

Чуть ли не на следующий день он поднял вопрос об «антисоветских песнях» Галича на Политбюро, и колесо закрутилось.

Галичу припомнили все: и его выступление в академгородке, и выход на Западе (в «Посеве») сборника его песен, и многое-многое другое, на что власти до поры до времени закрывали глаза.

29 декабря 1971 года Галича вызвали в секретариат Союза писателей - исключать. Вот как он вспоминал об этом: "Я пришел на секретариат, где происходило такое побоище, которое длилось часа три, где все выступали - это так положено, это воровской закон - все должны быть в замаске и все должны выступить обязательно, все по кругу...

Было всего четыре человека, которые проголосовали против моего исключения. Валентин Петрович Катаев, Агния Барто - поэтесса, писатель-прозаик Рекемчук и драматург Алексей Арбузов, - они проголосовали против моего исключения, за строгий выговор.

Хотя Арбузов вёл себя необыкновенно подло (а нас с ним связывают долгие годы совместной работы), он говорил о том, что меня, конечно, надо исключить, но вот эти долгие годы не дают ему права и возможности поднять руку за моё исключение. Вот. Они проголосовали против.

Тогда им сказали, что нет, подождите, останьтесь. Мы будем переголосовывать. Мы вам сейчас кое-что расскажем, чего вы не знаете. Ну, они насторожились, они уже решили - сейчас им преподнесут детективный рассказ, как я где-нибудь, в каком-нибудь дупле прятал какие-нибудь секретные документы, получал за это валюту и меха, но... им сказали одно-единственное, так сказать, им открыли:

- Вы, очевидно, не в курсе, - сказали им, - там просили, чтоб решение было единогласным.

Вот все дополнительные сведения, которые они получили. Ну, раз там просили, то, как говорят в Советском Союзе, просьбу начальства надо уважить. Просьбу уважили, проголосовали, и уже все были за моё исключение. Вот как это происходило...».

Прошло всего лишь полтора месяца после исключения Галича из Союза писателей, как на него обрушился новый удар. 17 февраля 1972 года его так же тихо исключили и из Союза кинематографистов. Происходило это достаточно буднично. В тот день на заседание секретариата СК было вынесено 14 вопросов по проблемам узбекского кино и один - исключение Галича по письму Союза писателей СССР. Галича исключили чуть ли не единогласно.

После этих событий положение Галича стало катастрофическим. Ещё совсем недавно он считался одним из самых преуспевающих авторов в стране, получал приличные деньги через ВААП, которые от души тратил в дорогих ресторанах и заграничных вояжах. Теперь все это в одночасье исчезло.

Автоматически прекращаются все репетиции, снимаются с репертуара спектакли, замораживается производство начатых фильмов. Оставшемуся без средств к существованию Галичу приходится пуститься во все тяжкие - он потихоньку распродает свою богатую библиотеку, подрабатывает литературным «негром» (пишет за кого-то сценарии), даёт платные домашние концерты (по 3 рубля за вход).

Но денег - учитывая, что Галичу приходилось кормить не только себя и жену, но и двух мам, а также сына Гришу (родился в 1967 году от связи с художницей по костюмам киностудии имени Горького Софьей Войтенко), - все равно не хватало.

Все эти передрыги, естественно, сказываются на здоровье Галича. В апреле 1972-го у него случается третий инфаркт. Так как от литфондовой больницы его отлучили, друзья пристраивают его в какую-то захудалую клинику. Врачи ставят ему инвалидность второй группы, которая обеспечивала его пенсией... в 60 рублей.

Вообще все последующие после исключения Галича из всех Союзов события наглядно показывали, что он совершенно не был к ним готов. Таких репрессий по отношению к себе он явно не ожидал. Хотя это-то и было странно. Ведь, сочиняя свои откровенно антипартийные песни, он должен был понимать, что играет с огнем.

Тем временем весь 1973 год официальные власти подталкивали Галича к тому, чтобы он покинул СССР. Но он стоически сопротивлялся.

Однако силы Галича оказались небеспредельны. В 1974 году за рубежом вышла его вторая книга песен под названием «Поколение обреченных», что послужило новым сигналом для атаки на Галича со стороны властей.

Когда в том же году его пригласили в Норвегию на семинар по творчеству Станиславского, ОВИР отказал ему в визе. Ему заявили: "Зачем вам виза? Езжайте насовсем". При этом КГБ пообещал оперативно оформить все документы для отъезда. И Галич сдался. 20 июня он получил документы на выезд и билет на самолет, датированный 25 июня.

Вспоминают очевидцы тех событий.

Р. Орлова:

«В июне 1974 года мы пришли прощаться. Насовсем. Они улетали на следующее утро. Саша страшно устал - сдавал багаж на таможне.

Квартира уже полностью разорена. Но и для последнего обеда красивые тарелки, красивые чашки, салфетки.

Он был в обычной своей позе - полулежал на тахте. Жарко, он до пояса голый, на шее - большой крест. И в постель ему подадут котлетку с гарниром, огурцы украшают жареную картошку, сок, чай с лимоном..."

А. Архангельская-Галич:

«Его провожало много народу. Был там Андрей Андреевич Сахаров. Когда отец выходил из дома, во дворе все окна были открыты, многие махали ему руками, прощались...

Была заминка на таможне, когда ему устроили досмотр. Уже в самолете сидел экипаж и пассажиры, а его все не пускали и не пускали.

Отцу велено было снять золотой натальный крест, который ему надели при крещении, дескать, золотой и не подлежит вывозу. На что папа ответил:

«В таком случае я остаюсь, я не еду! Все!»

Были длительные переговоры, и, наконец, велено было его выпустить. Отец шел к самолету совсем один по длинному стеклянному переходу с поднятой в руке гитарой...».

Путь Галича и Ангелины Николаевны лежал в Вену. Оттуда они отправились во Франкфурт-на-Майне, затем в Осло. Там они прожили год, Галич читал в университете лекции по истории

русского театра. Затем переехали в Мюнхен, где Галич стал вести на радиостанции «Свобода» передачу под названием «У микрофона Александр Галич» (первый эфир состоялся 24 августа 1974 года). Наконец, они переехали в Париж, где поселились в небольшой квартирке на улице Маниль.

Оказавшись в эмиграции, Галич много и плодотворно работал. Он написал несколько прекрасных песен, пьесу «Блошиный рынок», собирался ставить мюзикл по своим вещам, в котором сам хотел играть. Кроме этого, совместно с Рафаилом Голдингом он снял 40-минутный фильм «Беженцы XX века».

Галич, даже будучи за границей, не изменил своим привычкам, приобретённым на родине. Например, амурные дела преследовали его и там. Причём дело иногда доходило до курьёзов.

Известно, что одна из его любовниц, зная, что не вынесет разлуки с ним, уехала из СССР вслед за ним. Но у Галича она была не единственная пассия - были и другие.

Муж одной из них, уличив жену в неверности, вместо того, чтобы как следует наказать неверную или в крайнем случае подать на развод, по старой советской привычке пошёл жаловаться на Галича на радиостанцию «Свобода», где тот работал. По словам Наума Коржавина, тамошние работники «совершенно охреневали от этого».

Как вспоминают люди, которые тесно общались с Галичем в те годы, за время своего пребывания за границей тот смирился с изгнанием и не верил в возможность возвращения на родину.

На Западе у него появилось своё дело, которое приносило ему хороший доход, у него была своя аудитория, и мысли о возвращении все меньше терзали его. Казалось бы, живи и радуйся. Однако судьба отпустила Галичу всего лишь три с половиной года жизни за границей. Финал наступил в декабре 1977 года.

В тот день - 15 декабря 1977 года - в парижскую квартиру Галича доставили из Италии, где аппаратура была дешевле, стереокомбайн «Грюндиг», в который входили магнитофон, телевизор и радиоприемник.

Люди, доставившие аппаратуру, сказали, что подключение аппаратуры состоится завтра, для чего к Галичам придёт специальный мастер.

Однако Галич не внял этим словам и решил опробовать телевизор немедленно. Благо жена на несколько минут вышла в магазин, и он надеялся, что никто не будет мешать ему советами в сугубо мужском деле.

А далее произошло неожиданное. Мало знакомый с техникой, Галич перепутал антенное гнездо и вместо него вставил антенну в отверстие в задней стенке аппаратуры, коснувшись ею цепей высокого напряжения. Его ударило током, он упал, упершись ногами в батарею, замкнув таким образом цепь.

Когда супруга вернулась домой, Галич еще подавал слабые признаки жизни. Когда же через несколько минут приехали врачи, было уже поздно - он умер на руках у жены...».

Автор статьи уже пользовался материалами из книг Фёдора Раззакова, в которых действительно много приводится достоверных фактов, правда их трактовка сделана в определённом ключе, который можно охарактеризовать словами одного юмориста, к сожалению, забыл его фамилию: «Если человек всё время говорит правду, то это не значит, что он приберегает ложь на особый случай».

Кто бы из знавших лично Александра Галича, и потом не написал о нём, все сходятся на том, что ему было очень трудно адаптироваться на Западе, и материальные затруднения его преследовали там до конца жизни.

Фёдор Раззаков утверждает обратное, пробуя убедить читателей, что у Александра Галича там всё было хорошо: «Живи и радуйся», в связи с чем, читать «опусы Фёдора Раззакова», нужно внимательно и пользоваться его книгами аккуратно, как и всякими другими сомнительными источниками информации.

После смерти Александра Галича в газете «Неделя» (№16, за апрель, 1978 года) была помещена статья С. Григорьева и Ф. Шубина «Это случилось на «Свободе»», в которой, конечно, много тенденциозного в отображении жизни Александра Галича, но и достаточно достоверного материала о его жизни за границей. Автор статьи не задавался целью, отделить в ней зерна от плевел, и просто приводит её целиком, сделав после небольшой комментарий:

«Никто не может служить двум господам...». Есть такие строки в книге от Матфея Нового завета. Богословы трактуют их, естественно, в узко религиозном смысле: нельзя служить богу и

дьяволу одновременно, философы - несколько шире. Нельзя, утверждают они, служить делам, людям или идеям, отрицающим друг друга. Мы не собираемся вступать в схоластические споры ни с богословами, ни с философами. Библейское изречение пришло на ум потому, что бывший советский гражданин, о котором пойдет речь дальше, был хотя и верующим человеком, но вот о предостережении Матфея в святом благовествовании, видимо, забыл, а может быть, и не знал.

Мы говорим "бывший советский гражданин" не только потому, что этот человек утратил своё гражданство. Дело в том, что он не существует и как личность. Он умер...

17 декабря 1977 года радиостанция "Голос Америки" передала на русском языке следующее сообщение:

"В четверг в Париже скончался Александр Галич, известный бард, драматург и писатель. Он родился в 1918 году. В 1974 году Галич выехал из Советского Союза в Норвегию. Последнее время он с женой жил в Париже... Галич умер у себя на квартире в результате несчастного случая..."

О мёртвых или хорошо, или ничего. Так, кажется, звучит древнеримское изречение, если его перевести на русский язык. Мы не стали бы говорить о Галиче, не стали бы тревожить его прах, покоящийся ныне на французском кладбище, если бы не одно обстоятельство. К обстоятельству вернемся позже, а сейчас ещё раз пройдем по той дороге, которая была жизнью Александра Аркадьевича Гинзбурга-Галича и, круто свернув в сторону, привела его сначала на американскую радиостанцию «Свобода» в Мюнхене, а затем через православный собор Александра Невского, где его отпевали, на кладбище под Парижем.

Как бы там ни было, а биография человека есть зеркало его души, иногда кривое, но тем не менее зеркало.

Детство у Александра Гинзбурга было обычное, хотя родился он в бурное время, через год после революции. Отец был хозяином булочной, но сына приобщил с детских лет к музам.

После десятилетки Александр окончил театральное училище и стал заниматься литературной деятельностью под псевдонимом Галич.

Из-под его пера появляются драмы, комедии, киносценарии. Кто бы мог подумать, что через двенадцать лет после выхода «Государственного преступника», фильма о неотвратимости возмездия предателям, повинным в смерти советских людей, автор сценария этой киноленты будет работать на радиостанции «Свобода» бок о бок с изменниками Родины, бывшими карателями и убийцами, пожимать руки тем, кто расстреливал, вешал и бросал в газовые камеры соотечественников...

Когда и почему свихнулся Галич? По времени это случилось в начале шестидесятых годов, когда он практически бросил литературную работу и занялся сочинительством и исполнением под гитару полублатных, а чаще клеветнических песен. Причины? Может быть, творческий кризис?

Заниматься сомнительным стихоплетством, конечно, легче, чем писать драмы, а клеветать, разумеется, проще, чем критиковать...

Или кризис моральный? Пьянки, дебоши, неразборчивые амурные связи Галича не были секретом ни для его ближайшего окружения, ни для соседей, которые не раз обращались в районное отделение милиции с просьбой утихомирить шумливого жильца.

Отличался Галич и неуемной, просто-таки патологической жадной наживы... Выступая, так сказать, в частном порядке на «закрытых» концертах, Галич собирал с присутствовавших по пятерке.

Совершенно очевидно и то, что Галичу активно помогали свихнуться его зарубежные «друзья». В февральском номере махрового антисоветского журнала «Посев» с большим некрологом выступил некто Е. Романов.

Впрочем, не «некто», а председатель так называемого «исполнительного бюро» НТС - одной из антисоветских организаций на Западе, находящейся ныне на полном содержании у ЦРУ.

Евгений Романович Романов (он же Островский) - личность весьма известная в энтээсовских кругах. Незадолго до начала войны за изнасилование подростка Романов должен был предстать перед судом. От наказания его спасли гитлеровцы, оккупировавшие Днепропетровск.

И он сразу же предложил им свои услуги. Поначалу, естественно, доказал свою «лояльность», выдав гестапо несколько десятков советских патриотов и укрывавшихся от массовых расстрелов евреев.

Затем начал заниматься «интеллектуальной» работой, сотрудничая в фашистских газетенках. После разгрома гитлеровцев бежал в Западную Германию. Затем обычный путь предателя и военного преступника.

Ныне Романов ведает в НТС денежными и иными средствами, получаемыми от различных разведок, планирует и направляет в «содружестве» с представителями западных спецслужб подрывную деятельность против нашей страны и осуществляет личное руководство «отделом безопасности», который занимается проверкой благонадежности» самих членов союза.

В общем, скажи мне, кто твой друг... Но иногда услужливый... друг бывает опаснее врага.

В некрологе, озаглавленном «Возвращение», бывший гитлеровский прихвостень вольно или невольно выболтал некоторые детали, которые во многом объясняют, почему так быстро Галич оказался в Мюнхене, куда он якобы не собирался, и ещё быстрее на «Свободе», о которой он якобы не помышлял.

Свой некролог Романов начинает осторожно, с признания, что именно он редактировал первый сборник стихов Галича. Кто же их вывез? И на этот вопрос есть ответ в «Возвращении»:

«Те немногие из наших иностранных друзей, которые успели побывать у него (то бишь у Галича. - Ред.) ещё в Москве (ни одного из них он не позабыл, когда попал на Запад), возвращались оттуда его друзьями». «Друзья» были особенные, связанные в основном с ЦРУ.

Поэтому и на Запад Галич попал, что называется, без пересадки. «Приехал он во Франкфурт, - продолжает вздыхать Романов, - через несколько дней после прилёта из Москвы в Вену...».

Кого же еще из тех, кто попадал в «венское гетто», выехав из Советского Союза для воссоединения с родственниками, проживающими в Израиле (именно этой причиной мотивировал свой отъезд Галич), пускали через несколько дней во Франкфурт? Только тех, в ком было заинтересовано Центральное разведывательное управление и его энтээсовская агентура. А в Галиче были очень заинтересованы как в будущем члене НТС.

...Гнилой товар нашёл своего покупателя. Стихи Галича стали печататься в энтээсовских журналах «Посев», «Грани», «Русская мысль», песни - исполняться в антисоветских передачах различных радиоголосов.

В 1969 году издательство «Посев» выпустило в ФРГ книгу «Песни», в середине 1971 года в Париже был опубликован сборник Галича «Поэмы России» с предисловием архиепископа Иоанна Сан-Францисского.

В общем-то он не Иоанн, а Дмитрий, и не Сан-Францисский, а Шаховской, бывший русский князь, а ныне один из тех проповедников, которые служат не господу, а «дьяволу», то есть занимаются самой низкопробной антисоветской пропагандой.

Враждебная направленность песен была настолько очевидной, что её сразу же заметили за океаном. На Галича, словно мухи на навоз, налетели американские и иные западные корреспонденты, и аккредитованные в Москве, и приехавшие из-за рубежа, и крупные, и те, что помельче. И не только журналисты. А и «искусствоведы» из ЦРУ. Галич показался им весьма перспективным объектом для приложения сил...

В мае 1968 года секретариат правления московской писательской организации предупредил Галича. Ему дали время образумиться. Но Галич не унялся.

В декабре 1971 года его исключили из Союза писателей, а в июне 1974 года он вместе с женой выехал в Израиль...

Радости антисоветчиков не было предела:

«Из СССР выехал Александр Галич, - захлебываясь от восторга, писал «Посев», - талантливый поэт и драматург, мужественный борец за права человека...»

29 июня состоялась встреча поэта с работниками издательства, редакций журналов «Посев» и «Грани», с местным активом НТС и многочисленными гостями... До скорой встречи, Александр Аркадьевич!»

Борца и менестреля с нетерпением ожидали в антисоветских центрах Запада. Сам шеф радиостанции «Свобода» мистер Ф. Рональдс предложил ему место советника директора РС по «культурным программам» с солидным месячным окладом.

По идее американского руководства радиостанции, Галич должен был не только выступать перед микрофоном с клеветническими передачами, но и осуществлять связь между "Свободой" и другими "инакомыслящими".

И тут вдруг бард и менестрель, выражаясь его собственным языком, «сломался».

Сначала запила жена Галича. «Когда я отвозил ее в больницу с белой горячкой, - говорил он в своём окружении, - врачи сказали мне, что её случай безнадежный и что в этой клинике ей предстоит находиться всегда...».

Затем запил вмертвую и сам бард. Галич пил и раньше, но такого загула, как начался у него с середины 1976 года, никогда, по свидетельству его друзей, не было. Бесперывные пьянки, женщины легкого поведения (среди них секретарша РС, агент ЦРУ Мира Мирник), скандалы...

Всё это не могло пройти мимо ушей мистера Рональдса. Шеф радиостанции и штатный сотрудник ЦРУ, конечно же, смекнул, что с таким менестрелем далеко не уедешь не только с

культурными, но и с другими программами.

Он официально предупредил Галича о том, что руководство РС будет вынуждено с ним расстаться, если не прекратится «аморальное поведение»...

Утверждают, что финал серьёзного разговора звучал примерно так: «Только закон об отношениях между работодателем и служащим не позволяет выбросить вас на улицу...».

Гневались на «полную бездеятельность» Галича и его ближайшие друзья из НТС. «Не работает и все время просит займы», - с возмущением заявлял неоднократно Романов, тот самый, который ныне рыдает на страницах «Посева» о «безвременно ушедшем...».

Рестораны, так же как и представительницы «первой древнейшей», стоят в ФРГ весьма дорого. Долги Галича росли, как снежный ком. Конечно, 50 тысяч марок для западногерманского капиталиста сумма небольшая, а вот для Галича долг на эту сумму превратился в настоящую катастрофу.

В конце 1976 года он попытался поправить свои финансовые дела, сработав с режиссером Рафаилом Гольдманом «документальный» фильм «Беженцы XX века», который был продан баварскому телевидению.

Но лента не получилась, не дав автору сценария и «герою» киноповествования ни денег, ни славы. Практически провалилось «творческое турне» Галича по «земле обетованной».

Израильский корреспондент «Свободы» Михаил Агурский сообщал в корреспонденциях, что «концерты Галича проходили при полупустых залах».

Агурский высказал даже мысль о том, что Галич, вероятно, подумывает о возвращении домой, потому что «Запад его подавил, и он растерялся... Будучи в Советском Союзе на всем готовом, он очутился в невыносимых условиях борьбы за своё существование за рубежом».

Михаил Агурский - он в своё время также выехал в Израиль под предлогом «воссоединения семьи» - зарекомендовал себя правверным антисоветчиком, и поэтому довольно быстро оказался на «Свободе».

Агурский знал Александра Галича еще по Москве, и поэтому его корреспонденциям из Израиля мы не можем не верить.

Письма, которые приходили от Галича из Израиля к его московским друзьям, наполнены тоже, кстати, тоской и неудовлетворенностью:

«Полупустые залы меня уже не волнуют, - писал он. - И вообще мне ничего не нужно. Я думал, что Израиль благословенная земля, но это проклятая земля. Сюда я больше никогда не вернусь».

Да, есть ещё такая штука, которая называется ностальгией. Каков бы ни был человек, но всё же родиной для него всегда будет не та страна, где платят деньги, а та земля, где родился. К сожалению, не все это сразу понимают...

В Мюнхене Галича ждал новый удар. Вашингтон решил перевести своего барда вместе с «культурной» секцией радиостанции «Свобода» в Париж на должность руководителя этой секции.

Вполне понятно, что американская разведка, открывая в Париже «культурную» секцию РС, отнюдь не собиралась заниматься просветительскими делами.

На секцию возлагаются задачи по организации на Западе шумных антикоммунистических и антисоветских акций с привлечением к этому различного рода антисоветчиков.

Но, как оказалось, ЦРУ возложило на Галича непосильную ношу. «Некоторые из тех, кто с ним работал на «Свободе», - напишет потом Романов в своём некрологе о Галиче, - упрекали его в слабохарактерности. Вероятно, он не был твердым администратором...».

Мистер Рональде предупредил Галича, что в Париже ему будет выделена представительская квартира, но вселиться туда он должен будет со своей законной женой. Протестовать против решения Вашингтона Галич не стал.

Однако через своего адвоката он предъявил к РС иск с требованием возмещения ему «морального и материального ущерба», нанесенного радиостанцией, в сумме 50 тысяч марок.

Ущерб, как явствовало из искового письма, заключался в том, что «Свобода» якобы без ведома и согласия Галича, когда он находился в Советском Союзе, запускала в эфир его песни, что явилось в конечном счете, считал он, причиной исключения последнего из Союза писателей и «вынужденного» отъезда из СССР.

...Осенью 1976 года в студии радиостанции «Свобода» состоялись, так сказать, официальные проводы Галича. Он, по свидетельству некоторых из присутствующих, выглядел растерянным.

На вопрос о том, правда ли, что им был предъявлен иск радиостанции, Галич ответил, что «сей слух, соответствует действительности» и что ему «всё осточертело»...

После переезда в Париж Галич совсем загрустил. Теперь вместо одного у него оказалось сразу три начальника. Официально он должен был по-прежнему отчитываться в своей работе перед

директором РС Рональдсом, но одновременно его передали под начало еще двух представителей ЦРУ в Париже - М.Ралиса и В.Ризера, которые по сей день возглавляют специальные "конторы" американской секретной службы во французской столице.

Слуга трёх господ старался вовсю, но дело у Галича явно не клеилось. Сначала в Париже, а затем и в Западном Берлине он попытался организовать «конференции» антикоммунистов, антисоветчиков и всякого рода других отщепенцев под флагом так называемой «борьбы за права человека». Но сборища с треском провалились.

Шефы остались очень недовольны этим обстоятельством. Особенно мистер Ралис, который заявил, что Галич «весьма нерешителен» и что ему следует подумать над тем, «способен ли он вообще заниматься серьезным делом и выполнять задания...».

А тут еще нелады личного плана. В Париж как гром с ясного неба свалилась одна из любовниц Галича, уже упоминавшаяся нами секретарша РС Мира Мирник, и стала во всеуслышание предъявлять ему права «законной супруги», требовать у него соответствующего внимания и денег.

Впрочем, свалилась она не случайно. И в Мюнхене, и в Париже Мира редко оставляла Галича в одиночестве, и не только по ночам и не только из-за «страстной любви». Молодая сотрудница «Свободы» тоже находится в списках мистера Рональда...

А теперь несколько слов об «обстоятельстве», о котором мы обещали рассказать позже. Дело в том, что внезапная смерть Галича вызвала большой шум в Париже, особенно среди русской эмиграции.

Одна её часть поговаривала о том, что в смерти барда повинны американцы, другие утверждали, что Галич покончил жизнь самоубийством, поскольку в течение двух недель перед кончиной был якобы в подавленном состоянии, говорил, что «готов всё бросить и уехать хоть на Колыму».

Самоубийство? Но смущает в этой версии слишком странный способ самоубийства... Вы помните, что «Голос Америки» сообщал о том, что смерть Галича последовала от... «неправильно включенной антенны телевизора».

Но это не так. «15 декабря сего года, - сообщало французское радио, - труп Галича был обнаружен в его парижской квартире. Он лежал на полу с обгорелой рукой. Рядом с ним находился магнитофон, который Галич недавно от кого-то получил».

Оказывается, магнитофон, а не телевизор. То же самое сказала жена Галича журналистам: «Меня не было дома. Когда я вошла, он лежал мертвый с проводом в руках. Он был так счастлив, когда купил всю эту американскую аппаратуру, которую прислали из США: и магнитофон, и проигрыватель... И она его погубила...».

И ещё. Уж очень настойчиво американские источники в сообщениях о смерти Галича педалировали на «несчастный случай», уж очень усердно оплакивали его господина Рональде, Ралис и Ризер...

Впрочем, мы ничего не утверждаем. Видимо, об истинных причинах гибели Галича лучше осведомлены мистер Рональде, мистер Ралис и мистер Ризер. Они все же сидят на двух креслах...

Для нас ясно лишь одно. Человек, изменивший своей Родине, становится предателем. А предатель - он везде предатель. И когда оказывается не нужен, от него стараются избавиться, как от загнанной лошади. Кстати, в этом смысле, видимо, надо трактовать и предостережение Матфея в святом благовествовании».

Ну что можно сказать об Александре Галиче в свете вышеприведённой статьи, только то, что она соответствовала духу советского времени и представлениям о том, что такое для советского человека Родина и что такое предательство её интересов. Для многих эти понятия остались неизменными и в современной России, и для них Александр Галич не смотря на его талант и неприятие прежних советских порядков – предатель. Для тех же, кому Родина, только там, где только хорошо платят, Александр Галич, несомненно, борец и конечно герой. Хотя какой он герой, этот, по сути, несчастный человек, выброшенный, из-за его чрезмерных амбиций на всемирную славу, из живой воды своей настоящей Родины, где его действительно ценили, как поэта и барда, на чужой и чуждый ему берег, рядом с золотым аквариумом благополучия, в котором ему не нашлось настоящего места.

Жадно хватая на чужом берегу воздух свободы, он в итоге уснул вечным сном. Было это самоубийство, или причиной смерти был несчастный случай, как и то, что ему не дали долго мучиться, и ускорили его неизбежный конец, какие-то спецслужбы, - разве это имеет

какое-то значение? Если, как поэт и бард, он уже перестал существовать, потому что его перестали слушать и, главное понимать, в чём заключается смысл его жизни.

Газета «Правда» 31 октября 1988 года опубликовала отрывок из последнего интервью, данного Александром Галичем на родине:

«Добровольность этого отъезда, она номинальна, она фиктивна, она по существу вынужденная. Но всё равно. Это земля, на которой я родился. Это мир, который я люблю больше всего на свете.

Это даже «посадский, слободской мир», который я ненавижу лютой ненавистью и который всё-таки мой мир, потому что с ним я могу разговаривать на одном языке. Это всё равно то небо, тот клочок неба, большого неба, которое прикрывает всю землю. Но тот клочок неба, который мой клочок неба, который мой клочок.

И поэтому единственная моя мечта, надежда, вера, счастье, удовлетворение в том, что я всё время буду возвращаться на эту землю. А уж мёртвый-то я вернусь в неё наверняка».

Перед отъездом Александр Галич оставил записку дочери:

«Алёнушка, родная моя! Прости и постарайся понять меня. Всё произошло неожиданно, в страшной спешке и суете...

Меня до сих пор не оставляет надежда, что мы ещё обязательно увидимся и всё будет хорошо. Низкий поклон твоей маме. Твой отец. 21 июня 1974 года».

В марте 1988 года в адрес Союза писателей СССР и Союза кинематографистов СССР поступили прошения от имени дочери Александра Галича Алены Архангельской о восстановлении членства её отца в этих союзах:

СЕКРЕТАРЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СЕКРЕТАРЮ СОЮЗА КИНЕМАТОГРАФИСТОВ

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 декабря 1971 года (из союза кинематографистов 14 февраля 1972 года) из союза писателей был исключен драматург и поэт Александр Аркадьевич Галич (Гинзбург). Исключен он был за своё поэтическое творчество, за его сатирическое содержание, которое, как теперь ясно, имело некоторое основание.

Документально известно, что А. Галич не собирался покидать страну, и добровольность его отъезда была вынужденной. В настоящее время, когда русской культуре возвращают незаслуженно забытые имена и произведения, новую жизнь должно обрести и творчество А.Галича.

Сейчас уже проходят его творческие вечера, в том числе в США, театр песни («Третье направление») поставил спектакль по его песням «Когда я вернусь», получивший положительные рецензии («Московский комсомолец»).

На киноэкранах иногда демонстрируются фильмы, снятые по его сценариям. Однако в титрах этих фильмов отсутствует имя А.Галича, что выглядит, по крайней мере, как печальный анахронизм.

Имя Галича должно быть восстановлено в отечественной культуре, так же, как было восстановлено имя Тимофеева-Рессовского в науке.

Я прошу вас, как дочь А.Галича, рассмотреть вопрос о посмертном восстановлении моего отца А.Галича в Союзе (сошлюсь на прецедент с Пастернаком), а также выяснить судьбу сценария А.Галича о Фёдоре Шаляпине, который был запущен в производство режиссером М.Донским, и затем закрыт в связи с исключением А.Галича из Союза.

Восстановление А.Галича необходимо не только из вышеназванных этических и культурных соображений, но и в чисто юридическом смысле, так как без этого ущемлены мои права как наследницы.

С уважением, Александра Александровна Архангельская.

12 мая 1988 года Союз кинематографистов, а затем Союз писателей СССР, рассмотрев эти прошения дочери поэта и драматурга, отменили свои прежние решения об исключении Александра Галича из своих рядов.

В связи с этим, автору статьи хотелось бы сделать некоторые замечания по поводу чехословацких событий 1968 года, относительно истинных героев и «жертв» произвола советских властей в отношении тех, кто тогда выразил открытый протест.

Самой известной акцией была «демонстрация» на Красной площади 25 августа 1968 года.

В этот день восемь человек восемь человек - лингвист Константин Бабицкий, филолог Лариса Богораз, поэтесса Наталья Горбаневская, поэт Вадим Делоне, рабочий Владимир Дремлюга, физик Павел Литвинов, искусствовед Виктор Файнберг и Татьяна Баева - в двенадцать часов дня сели на парапет у Лобного места и одновременно развернули плакаты: «За нашу и вашу свободу», «Руки прочь от ЧССР», «Позор оккупантам», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия». Через несколько минут на них налетели люди в штатском, вырвали плакаты, избили и арестовали.

После ареста, якобы семь демонстрантов уговорили 21-летнюю Татьяну Баеву отказаться от дальнейшего участия в происходящем, и поэтому во время следствия она заявила, что находилась с демонстрантами случайно, была отпущена, но в дальнейшем продолжила диссидентскую деятельность.

После отказа Татьяны Баевой от дальнейшего протеста эта акция получила название, как «Демонстрация Семерых». Хотя после такого переименования, эта «демонстрация» стала выглядеть, не так смешно, как цинично. Потому что «на площадь по Галичу, в тот назначенный кем-то час» вышло 8 человек, а после того, как арестовали всех участников и одного отпустили, оказалось, что на площадь выходило только семь человек!

На этом «идейном» принципе, выпячивания только заслуг, в основном лиц, определённой национальности, было построено всё диссидентское движение того времени, под прикрытием западных спецслужб и под руководством отъявленных лжецов и провокаторов.

Тогда двоих из протестующих, поместили для принудительного лечения в психиатрические лечебницы, остальных, после суда, по сфабрикованным обвинениям, приговорили к разным срокам, для их отбывания в тюрьмах и лагерях.

Кассационные жалобы адвокатов, рассматривавшиеся в конце ноября 1968 года в Верховном суде РСФСР, конечно, не были удовлетворены.

В дальнейшем судьба этих диссидентов сложилась по-разному, но большинство российская эмиграция приняла под своим крылом.

Через двадцать лет, летом 1989 года Николай Андреевич Монахов, защищавший в том процессе Владимира Дремлюгу, подал Генеральному прокурору СССР надзорную жалобу на приговор и получил на этот раз оттуда положительный ответ:

«По протесту Прокуратуры РСФСР приговор Московского городского суда от 11 октября 1968 года по делу Богораз-Брухман, Делоне, Дремлюги, Бабицкого, Литвинова постановлением Президиума Верховного суда СССР от 6 июня 1990 года отменен, а дело в отношении всех подсудимых прекращено за отсутствием состава преступления.

Прокурор Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, ст.советник юстиции А.Н.Пахмутов. 19 июня 1990 года».

Дальнейшая судьба «демонстрантов сложилась по-разному. Они так и остались малоизвестными героями того времени. А у поэта Вадима Делоне, которому во время судебного процесса было только 19 лет, отбывшего в тюменском лагере 2 года 10 месяцев, и после возвращения в 1971 году, вынужденного эмигрировать во Францию, жизнь там как-то не сложилась, что в результате его привело к самоубийству.

Автор этой статьи во время ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию, служил в армии, но в те дни находился в Орловской области, приехав в деревню на похороны отца. Брат автора статьи Евгений, который служил тогда в воздушно-десантных войсках, приехал после похорон, на следующий день, объяснив задержку тем, что ему

передали телеграмму с известием о смерти отца, только после того, как его часть вернули в казармы.

Последние несколько недель его часть находилась почти каждый день на учениях, по отработке навыков десантирования с малых высот, в условиях максимально приближенных для ведения боевых действий.

Во время десантирования, за очень короткий промежуток времени, ещё находясь в воздухе, нужно было полностью разрядить ручной пулемёт по наземным целям и, перезарядив его на земле, опять же, но только во время бега, вести прицельный огонь по позициям противника уже деморализованного огнём с воздуха до полного его уничтожения.

Перед самым вводом войск в Чехословакию, его воздушно-десантная дивизия, в полной амуниции три дня не покидала аэродрома. Находясь в резерве командования, в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с возможным оказанием вооруженного сопротивления частями чехословацкой армии, воздушно-десантная дивизия брата должна была нанести с воздуха сокрушительный удар по позициям чехословацких войск, и во время наземной операции полностью их уничтожить.

Разумеется, в резерве находилась не одна только воздушно-десантная дивизия брата автора статьи, но, к счастью, их помощь не потребовалась. Министр обороны Чехословакии приказал частям не покидать казарм, а отдельные очаги сопротивления со стороны гражданского населения, подавлялись быстро, и потерь можно было бы избежать совсем, если бы советские солдаты действовали, как их союзники из ГДР.

Об этом автору статьи рассказали его товарищи, которые тогда служили в танковых частях и непосредственно принимали участие в чехословацких событиях.

Нашим танкистам запретили стрелять из танков по снайперам, поэтому провокаций было много, от забрасывания танков бутылками с зажигательной смесью, до стрельбы из окон домов по солдатам.

В те населённые пункты, куда входили части из ГДР, немецкие солдаты, занимая стратегические пункты и выставляя их охрану, с местным населением не церемонились. Если раздавался выстрел из окна, то сразу разворачивалась башня танка, и снаряд сносил или полдома, или несколько этажных перекрытий, погребая под их обломками и самих снайперов и тех, кто пускал их в свои квартиры.

Стоявшие на посту немецкие солдаты чертили вокруг себя на асфальте мелом большой круг, становились в его середину, широко расставив ноги, и прижав автомат к груди, с презрением смотрели на орущую толпу, которая никогда не заступала за эту черту, прекрасно понимая, чем это может закончиться.

В наших солдат можно было плевать, толкать под танки детские коляски с куклами и стрелять из окон, зная, что ответом тоже будет стрельба из стрелкового оружия, которое не давало такого психологического эффекта, как стрельба из танковой пушки, даже холостым снарядом.

В то время в деревне тех, кто служил тогда в армии или находился в отпуске после окончания военных училищ, было четыре человека. Так вот, все они вместе с автором статьи не протестовали против ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию, а выпили за наших солдат, чтобы они живыми и здоровыми вернулись обратно, а не стали жертвами политических амбиций советского партийного руководства.

Хотя чехословацкие события и привели к политическому кризису, но они никак существенно не повлияли на дальнейший ход исторический событий. Через некоторое время о них старались не вспоминать, как и о тех незначительных жертвах, которые имели место во время этого «военного», без войны, противостояния двух военно-политических блоков.

Интересными воспоминаниями о событиях того времени поделился с нами известный бард Юрий Визбор, который находился в то время в Арктике, на съёмках фильма «Красная палатка». Вот что он рассказал на концерте в ДК «Москворечье» в 1977 году:

«...Во время съёмок фильма «Красная Палатка», случились чехословацкие события. Мы были в то время в Арктике, очень далеко, и вдруг к нам приходит это сообщение, где-то часов, наверно, в семь утра, а в десять пришёл мощный корпускулярный поток со стороны Солнца и мы потеряли всю связь, а до этого Москва передала концерт Вагнера.

И все стали связывать эти события: Вагнер, любимый композитор Гитлера, почему-то утром передали (*концерт*), после сообщения о вводе, по просьбе общественных организаций, наших войск в Чехословакию и нет связи.

И все беспрерывно толкались у радиста «Оби» Юры Комарова, который совершенно пьяный сидел и у него был огромный, естественно, приёмник, у которого была масса шкал, и в самой последней шкале, в самом углу, единственно, что звук был – это тихая музыка откуда-то лилась, неизвестно.

И когда заходили к Комарову, он показывал эту музыку и говорил: «Ну, и кто-то, всё-таки, живёт? Это утешало, что кто-то всё-таки остался жив, мы в Арктике не знаем ничего и сидим чёрте где...

Должен сказать, у нас был на корабле единственный иностранец, артист по фамилии Луиджи Вануки, коммунист, член итальянской компартии, оформившийся в Арктику, сам не зная зачем, которому решено было ничего не говорить, поскольку и мы сами не знали, что происходит.

И Луиджи как-то заметил общую перемену (*настроения*) и стал мне всё время говорить, - а, что я такой грустный и какие у меня заботы. *Вот и пришлось объяснять:*

- Да, Луиджи, знаешь, вчера выпил спирта. Понимаешь?

- О, я знаю! – у него была такая книжечка с русскими словами. Он открывает эту книжечку и говорит:

- Блевал? Это, знаю!

Ну, в общем, это так всё продолжались пять дней. И эта тайна была скрыта для Вануки до тех пор, пока не пришла радиограмма из Рима от его жены, которую мы вынуждены были отдать Вануке. Радиотелеграмма была следующего содержания:

- «Обеспокоена политической ситуацией. Сообщи здоровье».

Тогда Калатозов (*режиссёр фильма с советской стороны*) сказал, - Юра, ты у нас самый политически грамотный, объясни Вануке ситуацию. Ну, тогда я сказал (*ему в ответ*):

- Михаил Константинович, я могу объяснить только по-русски и поэтому возьму с собой переводчика.

Взял с собой Валеру Серовского и мы пошли в каюту к Вануке. Он (*сразу*) понял, что мы пришли с неприятным известием, *и поэтому* закурил. Я начал рассказывать:

- Да, Луиджи, это такая история, - и рассказал ему, что произошло.

Он сказал: «Да, конечно, - и никак не выразил к этому отношения, но, в общем, как-то воспринял всё это.

Мы так и посидели немножко, выпили чуть-чуть, а потом оделись с ним, и вышли на верхнюю палубу.

А в это время мы шли вдоль островов. Земля Франца Иосифа состоит из массы архипелагов маленьких. Этот архипелаг как раз был Луиджи. Там есть Британский пролив, в отличие от Британского канала, и вот мы шли Британским проливом, а с правой руки был архипелаг Луиджи островов.

Они на закате были такие золотые, и голубые такие, их ледяные купала, светились все.

И вот Луиджи закурил сигарету «Амбассадор» и в оранжевом огоньке, я вдруг увидел его глаза и понял, что он *теперь* ощутил: «что он итальянец, живущий в Риме, имеющий две квартиры, кантри хауз (*загородный коттедж*), три машины, прекрасную жену и двух детей, находится в такой роковой момент, где-то, чёрте где, среди диких бородачей. И он сразу так, несколько, заволновался...

...Когда мы вернулись на Большую Землю, мы выяснили, что мы все остались без артистов. С нами отказались сотрудничать все наши иностранные актёры.

Клаудия Кардинале собрала пресс-конференцию в Риме и сожгла на свече договор со своим мужем *продюсером* Франком Кристальди на 720 тысяч долларов и сказала, что я заплачу своему мужу неустойку, но я с оккупантами работать не буду.

Питер Финч (*австралийский актёр*) собрал пресс-конференцию в Лондоне и порвал договор, в отличие от свечи и, в общем, все другие также поступили.

А тогда мы многие эпизоды ещё не успели снять. Но все эти моменты не помешали им, не моргнув глазом, через три месяца приехать в СССР и продолжить киносъёмки, как ни в чём не бывало, как будто ничего ни с кем не происходило.

Ну, я с Финчем не говорил, потому что он всё время выпивал, а один американец, с которым у меня были более близкие отношения в этой картине, ставший в последствии очень крупным продюсером, и с которым я вёл «политикен дискушн» (*политические дискуссии*), в связи с тем, что был единственным актёром, который мог говорить на эти темы, потому что другие могли говорить только о шмотках и бабах, тогда сказал:

- Ты думаешь, что я буду тебя упрекать? Нет! - Когда в семье младший сын не ночует дома, отец может утром вполне ему дать затрещину.

Эта реакция (*на чехословацкие события*), вообще меня поразила, должен сказать, прямая, наглая совершенно, свидетельствующая о полном разделе мира...» (*запись рассказа о съёмках фильма «Красная палатка» с фонограммы концерта в ДК «Москворечье» в 1977 году в сокращённом виде и с минимальной редакторской правкой, сделана автором этой статьи*).

Ну, когда мы достаточно подробно узнали о творчестве Александра Галича и его трагической судьбе, то нелишне будет узнать, как реагировал на события тех лет не менее именитый бард того времени Булат Окуджава. Как мы знаем, на Первый фестиваль бардов он не попал по уважительной причине – был тогда в творческой поездке по Австралии.

А вот что было после, об этом напечатано в журнале «Дружба народов» (*№ 11, 2008*) во второй главе книги Дмитрия Быкова «Булат Окуджава»:

«...Австралийская поездка спасла Окуджаву от участия в Первом Новосибирском фестивале авторской песни, открывшемся 31 марта 1968 года в Академгородке. Он не успевал туда физически - и не особенно об этом жалел, поскольку не слишком любил коллективные бардовские концерты с их неизбежным элементом соревновательности, с победой наиболее эффектного, а не наиболее талантливого исполнителя.

Окуджава в 1968 году всё уже понимает и ни о чём спорить особенно не хочет, он и впоследствии не был замечен в особо бурных дискуссиях «о судьбах России».

Для него судьбы России - дело слишком личное, всё, что он хочет сказать на эту тему, будет сказано в романах, а компрометировать серьёзные и аполитичные по сути размышления спорами в студенческих общежитиях и аудиториях он не склонен.

Вдобавок он устал от славы «гитариста», она уже и за границей его тяготит; короче, он ограничился тем, что прислал фестивалю приветствие, которое и было зачитано со сцены.

Первый фестиваль авторской песни обошелся без отца-основателя (как, впрочем, и без Новеллы Матвеевой, не выезжающей из Москвы по причине «транспортной болезни», и без опального Кима, чьи песни в его отсутствие пел со сцены физик и бард Сергей Чесноков).

Это был замечательный фестиваль, последнее яркое событие советской оттепели, последняя симфония физиков и лириков, дискутировавших, выступавших и выпивавших в клубе «Под интегралом».

Это было общение старших шестидесятников с новым поколением, уступавшим им, вероятно, по части оригинальности и выразительности (всё-таки стояли на плечах гигантов, да и опыт у них был не столь яркий - не воевали, не пожили толком при диктатуре, детьми застали XX съезд), но зато и более бескомпромиссным, свободным от множества иллюзий.

Этому поколению предстояло стать очередным «потерянным» - почти никто не успел реализоваться легально, одни уезжали, другие спивались.

Реакция подоспела стремительно - именно после этого фестиваля у Галича, которого до той поры терпели, начались самые серьёзные неприятности во всей бардовской среде.

Почему его до этого не трогали - понять можно: Галич считался элитным, узко-известным, да и на верхах его толком не слушали.

То ли дело Окуджава, действовавший на всех, и Высоцкий, уже входивший в моду: Галич до поры проходил по разряду богемных сочинителей, чья известность не перешагивала границ Садового кольца.

И хотя самые едкие его сатирические песни уже были написаны - в народ они не уходили (именно по причине виртуозности, изощренности - даже в стилизациях речи этого самого народа). Новосибирский фестиваль привлёк к Галичу внимание не потому, что он там исполнял нечто крамольное, - а потому, что эти самые «песни для узкого круга» неожиданно оказались главными хитами на студенческом слете.

Самый старый из участников, сорокавосемилетний Галич, сделался звездой Академгородка, где конкуренцию ему составляли Кукин, Дольский, Вихорев, которые и пели, и играли на гитарах на порядок лучше, и вообще у них выходило как-то зажигательней... а ломились, при всем уважении к прочим, на Галича. И не из-за политической остроты, повторяю: дело было в общем пафосе боли и гнева, которым переполнены его зрелые песни.

Никому уже не хотелось отделяться шуточками. Бардовская субкультура на глазах превращалась в демонстративно несоветскую, уже не альтернативную, а демонстративно противопоставленную официозу...

...Окажись Окуджава на том фестивале - он явно попал бы под очередную раздачу...

...21 августа 1968 года советские танки вошли в Чехословакию. Шестидесятники были потрясены, Аксенов пережил многомесечную депрессию, Евтушенко дал телеграмму Андропову и

написал «Танки идут по Праге», а Наталья Горбаневская и семеро её друзей вышли с демонстрацией на Красную площадь, где их и повязали.

Окуджава телеграмм не давал, писем не подписывал и депрессий себе не позволял. Он заканчивал «Бедного Авросимова».

В сентябре 1968 года он напел Льву Шилову, аккомпанируя себе на рояле, «Песенку про Гусака» - посвящение Густаву Гусаку, утверждённому главой КПЧ вместо Александра Дубчека:

ПЕСЕНКА ПРО СТАРОГО ГУСАКА

Лежать бы гусаку в жаровне на боку,
да, видимо, немного пофартило старику:
не то, чтобы хозяин пожалел его всерьёз,
а просто он гусятину на завтра перенёс.

Но гусак перед строем гусиным
ходит медленным шагом гусиным,
говорит им: «Вы видите сами -
мы с хозяином стали друзьями!»

Старается гусак весь день и так и сяк,
чтоб доказать собравшимся, что друг его - добряк.
Но племя гусака прошло через века
и знает, что жаровня не валяет дурака.

Пусть гусак перед строем гусиным
машет крылышком псевдоорлиным,
но племя гусака прошло через века
и знает, что жаровня не валяет дурака. (Август 1968)

Это прелестное сочинение было опубликовано в СССР в 1989 году в журнале «Русская речь», да и на магнитофонах почти не распространялось, поскольку Окуджава спел его под запись считанные разы...».

Теперь всем понятно, почему он решил опубликовать эту «песенку» только в 1989 году, когда его партийные товарищи сверху, разрешили это сделать. В 1990 году он уже перестал бояться и этих партийных товарищей сверху и с гордо поднятой головой вышел из рядов КПСС.

Что же касается Владимира Высоцкого, то у него самого в 1968 году хватало неприятностей и в театре, и в личной жизни, хотя популярность в народе продолжала стремительно расти, особенно после выходы на экраны фильма «Вертикаль» с его участием, и самое главное с песнями в его авторском исполнении. Поэтому ему было совсем не до фестивалей каких-то «второсортных» бардов, к которым он относился крайне отрицательно, осуждая, как и партийные органы, всякую самодеятельность и признавая только авторскую песню, причём, больше всего, только свою.

Об этом мы можем узнать, например, из книги Валерия Золотухина «Секрет Высоцкого» (М., Феникс, 2010):

21.03.1968

(Золотухин): «Ужасный день. Вчера играл Керенского за Высоцкого, а сегодня, и вчера, и ночью молю Бога, чтоб он на себя руки не наложил. За 50 сребреников я предал его - такая мысль идиотская сидит в башке. Но я как назло оказался в театре и еще оговорил, идиот, условия ввода: 100 рублей. Это была шутка, но как с языка сорвалось! Ведь надо же, всё к одному: и Хмеля нет, я ещё за него играю. Боже мой!

- Высоцкий играть не будет, - кричит Дупак (*директор Театра на Таганке*), - или я отменяю спектакль!

- Как ты чувствуешь себя, Валерий? - шеф.

- Мне невозможно играть, Ю. П., это убийство, я свалюсь сверху!

- Я требую, чтобы репетировал Золотухин! - Дупак.

Высоцкий срывает костюм: «Я не буду играть, я ухожу... Отстаньте от меня...»

Перед спектаклем показал мне записку: «Очень прошу в моей смерти никого не винить». И я должен за него репетировать!!! Я играл Керенского - я повзрослел ещё на десятилетие. Лучше бы уж отменил Дупак спектакль. У меня на душе теперь такая тяжесть...

Высоцкого нет, говорят, он в Куйбышеве. Дай Бог, хоть в Куйбышеве. Меня, наверное, осуждают все, дескать, не взялся бы Золотухин, спектакль бы не отменили, и Высоцкий сыграл бы.

Рассуждать легко. Да и вообще - кто больше виноват перед Богом? Кто это знает? Не зря наша профессия была проклята церковью, что-то есть в ней ложное и разрушающее душу: уж больно она из соблазнов и искушений соткана. Может, и вправду мне не надо было играть?!

22.03.1968

Уже висит приказ об увольнении Высоцкого по 47-й статье.

Ходил к директору, просил не вешать его до появления Высоцкого - ни в какую. «Нет у нас человека. И все друзья театра настроены категорически». Они-то при чём тут! Высоцкий летает по стране. И нет настроения, писать, думать. Хочется куда-нибудь ехать, всё равно куда - лишь бы ехать.

23.03.1968

Вот ведь какая наша судьба актёрская: сошёл артист с катушек, Володька, пришёл другой, совсем вроде бы зелёный парень из Щукинского, а работает с листа прекрасно, просто «быка за рога», умно, смешно, смело, убедительно.

И сразу завоевал шефа, труппу, и теперь пойдёт играть роль за ролью, как говорится, «не было счастья, да несчастье помогло».

А не так ли и Володька вылез, когда Губенко убежал в кино и заявление на стол кинул, а теперь сам дал возможность вылезти другому... но и свои акции подрастерял... то есть уж вроде не так и нужен он теперь театру.

Вот найдут парня на Галилея - и конец. Насчёт «незаменимых нет» - фигня, конечно; каждый хороший артист - неповторим и незаменим, пусть другой, да не такой; но всё же веточку свою, как говорит Невинный, надо беречь и охранять, ухаживать за ней и т. д.

Чуть разинул рот - пришёл другой артист и уселся на неё рядом, да ещё каким окажется, а то чего доброго - тебя нет, и один усядется.

Я иногда сижу на сцене - просто в темноте ли, когда другой работает, или на выходе, - и у меня такая нежность ко всей нашей братии просыпается... Горемыки! Все мы одной верёвочкой связаны: любовью к лицедейству и надеждой славы - и этими двумя цепями, как круговой порукой спутаны, и мечемся, и надрываемся до крови, и унижаемся, и не думаем ни о чём, кроме этих своих двух цепей.

26.03.1968

Высоцкий в Одессе. Шеф (*Юрий Любимов*):

- Это верх наглости... Ему все позволено, он уже Галилея стал играть через губу, между прочим. С ним невозможно стало разговаривать... То он в Куйбышеве, то в Магадане... Шаляпин... тенор... второй Сличенко.

Губенко готовит Галилея. Это будет удар окончательный для Володьки. Губенко не позволит себе играть плохо. Это настоящий боец, профессионал в лучшем смысле, кроме того, что удивительно талантлив.

Два дня был занят записью поездки и немного выбился из колеи.

Высоцкий в Одессе, в жутком состоянии, падает с лошади, по ночам, опоенный водкой друзьями, катается по полу.

«Если выбирать мать или водку - выбирает водку», - говорит Иваненко, которая летала к нему.

«Если ты не прилетишь, я умру, я покончу с собой!» - так, по его словам, сказала ему Иваненко.

02.04.1968

Последние два дня заняты делами Высоцкого. 31-го были у него дома, вернее, у отца его, вырабатывали план действий. Володя согласился принять амбулаторное лечение у проф. Рябоконея - лечение какое-то омерзительное, но эффективное. В Соловьёвку он уже не ляжет.

- У меня свои дела.

- Какие у тебя дела? Кроме театра?

Отец:

- У меня впервые заболело сердце, никогда не болело, а как это случилось... Мне В. П. говорил, Золотухин замечательно сыграл Керенского. Володя достал ему как раз на тот спектакль три билета.

Сегодня утром Володя принял первый сеанс лечения. Венька еле живого отвёз его домой, но вечером он уже бодро шутил и вострил лыжи из дома. Поразительного здоровья человек. Всю кухню лечения, весь сеанс, впечатления и пр. я просил записать Веньку. Володя сказал, что запишет сам.

Но самое главное - не напрасны ли все эти мучения, разговоры-уговоры, возвращение в театр и пр.? Нужно ли Высоцкому это теперь?

Чувствовать себя почему-то виноватым, выносить все вопросы, терпеть фамильярности, выслушивать грубости, унижения - при том, что Галилей уже сыгран, а, с другой стороны, появляется с каждым днём всё больше отхожих занятий: песни, писание и постановка собственных пьес, сценариев, авторство, соавторство - и никакого ограничения в действиях. Вольность и свободная жизнь.

Не надо куда-то ходить, обязательно и строго вовремя, расписываться, играть нелюбимые роли и выслушивать замечания шефа и т. д. и т. п., а доверия прежнего нет, любви нет, во взаимоотношениях трещина, замены произведены, молодые артисты подпирают.

С другой стороны, кинематограф может погасить ролевой голод, да ещё к тому же реклама. Я убежден, что все эти вопросы, и ещё много других, его мучают, да и нас тоже.

Только я думаю, что без театра он погибнет, погрязнет в халтуре, в стяжательстве, разменяет талант на копейки и рассыплет по закоулкам. Театр - это ограничитель, режим, это постоянная форма, это воздух и вода.

Все промыслы возможны, когда есть фундамент. Он вечен, прочен и необходим. Всё остальное - преходяще. Экзюпери не бросил летать, как занялся литературой, совершенно чужим делом. А всё, чем занимается Володя, это не так далеко от театра - смежные дела, которые во сто крат выигрывают от сотрудничества с театром.

10.04.1968

Прискакал с двух концертов. Записки: «Что с Высоцким?», «Правда ли, что Высоцкий уволен из театра?»

Нет, Высоцкий снова в театре, вчера мы играли «Послушайте!» первым составом. Взял на договор, с какими-то унижительными оговорками, условиями и т. д.

Но иначе, в общем, и быть не могло.

13.04.1968

Концерт с Высоцким - «возвращение блудного сына».

14.04.1968

Утренний «Галилей». Снова Высоцкий на арене. Зал наэлектризован. Прошёл на «ура». Алые тюльпаны. Трогательно.

Славина:

- У вас с Венькой (*Смеховым*) появилось перед Володькой подобострашие... Вы как будто в чём извиняетесь, лебезите, заискиваете...».

Интересны сами по себе и воспоминания директора Театра на Таганке залуженного артиста России Николая Лукьяновича Дупака «За Высоцкого меня снимали с работы» в статье Ирины Корнеевой «Я из повиновения вышел» (*«Российская газета», Федеральный выпуск №4572 от 25.01.2008*). Ниже приводятся выдержки из его рассказа о Владимире Высоцком:

Сколько раз Николаю Дупаку - директору Таганки той поры - приходилось объяснять в различных инстанциях, почему, например, Высоцкий поёт никем не утвержденные программы и получает гонорары выше, чем другие артисты, и почему ему легко сходит с рук то, что не прощали никому...

« - На Высоцком всегда зарабатывали в тысячу раз больше, чем платили, - рассказывает Николай Дупак. - Ставка за концерт была 13 рублей 50 копеек, ему выписывали 56 рублей, а потом я, как ответственный за политико-воспитательную работу в коллективе, долго оправдывался перед партийными органами, министерством, ОБХСС, что он поэт, композитор и исполнитель в одном лице и что авторские гонорары тоже надо учитывать.

А в театре первое время по договору он получал 110 рублей, к 80-му году - 200 рублей (у Любимова зарплата была 300). Театр находился на хозрасчете - что заработаем, то и получим, потому и спектаклей старались сыграть побольше, чтобы премию дать, выходных побольше сделать - Таганка на «пятидневке» была.

Полгода Высоцкий не работал в театре - его уволили. Потом, конечно, взяли обратно - без него Таганку не представляли. Просто на его примере в театре мы демонстрировали политику дисциплины: уж раз Высоцкого уволили, то нам-то уж в случае чего и подавно несдобровать.

Из-за ревности к успеху ему приходилось выслушивать от коллег: «Вот он - белая кость, а мы - чёрная?»

Высоцкий был очень ранимый, хотя и не показывал этого. На хамство хамством старался не отвечать, но был разборчив в людях. Мне приходилось от него слышать: «О, нет. С этим подонком я на концерт не поеду...».

В театре ревновали к его популярности, особенно на гастролях, к тому, как тянулись люди к Высоцкому.

Он даже подумывал о том, чтобы перейти на Малую Бронную, когда я одно время был директором Театра на Малой Бронной. Там работал Эфрос (а Высоцкий очень трепетно к нему относился), и состав был - Даль, Любшин, Петренко, Дуров, Коренева, Козаков...

...Много велось разговоров, в том числе и с Фурцевой, о том, чтобы легализовать творчество Высоцкого. Но всегда с одним результатом: не надо никаких афиш, выступлений. Конечно, это задевало его. Однажды в Театре эстрады буквально перед самым выступлением позвонили и сказали, что его не надо выпускать на сцену. У Высоцкого была истерика...

Были, конечно, и трагикомические ситуации. Во время 23-го партийного съезда Высоцкий приехал в театр на спектакль – «мама» сказать не мог.

Я попытался спасти положение:

«Володя, мы вместе выйдем на сцену, я буду тебя придерживать, а когда отпущу, ты только покажи на горло и разведи руками».

Выходим. Наступает гробовая тишина. Я говорю, что руководство театра приносит зрителям свои извинения, главный исполнитель потерял голос, спектакль состояться не может и переносится на такое-то число. На наш выходной день, а кто хочет, может сдать билеты в кассу.

Отпускаю его, он делает всё, как я просил. Перед уходом за кулисы ещё раз повторяет, и с такой виноватой улыбкой, что зал просто грохнул от хохота...

Валерий Золотухин, описывая этот случай, вспоминает, что кто-то из зала крикнул:

«Петь надо меньше!»

Я такого не слышал. Могли разве сказать: «Петь надо меньше». Его ведь боготворили...

Всё он делал, как в последний раз, с отдачей неистовой. После концертов у него пальцы кровоточили от струн. Ведь и право называться мужем Марины Влади, надо было заработать...».